

Тинатин Мжаванадзе

А ТАКЖЕ
ИХ РОДИТЕЛИ

Тинатин Мжаванадзе

А также их родители

Серия «Люди, которые всегда со мной»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69412996

Т. Мжаванадзе. А также их родители: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-156571-8

Аннотация

Все дети в мире скроены по одному лекалу: они считают своих родителей всемогущими богами и не подозревают, сколько страхов и сомнений кроется за гладким фасадом уверенных взрослых лиц. Родители ведь постоянно ошибаются! И потому им будет полезно взглянуть, как строится воспитательный процесс у других. А вдруг на самом деле у них самих все очень даже неплохо или, наоборот, надо срочно спасать положение?! Эта книга – признание в том, какие небезупречные на самом деле взрослые, но все их косяки – от чрезмерной любви к детям.

Содержание

Действующие лица	5
Вступление	6
Как вместо собаки завести ребенка	9
Как стать матерью	14
Мишка и няня Марина	23
Про Марину	24
Тарзан	29
Мультки	32
День стрижки	37
Генетика	44
Домашние игры	57
Утренний подъем	61
Голос матери	64
Блинное утро	66
Еда	71
Бриджет Джонс поехала с детьми в горы	73
Четыре сезона эмансипированной женщины	84
Архивы: мечты о детях	93
Медицина в жизни матери	95
Сандрик и гланды	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Тинатин Мжаванадзе

А также их родители

© Тинатин Мжаванадзе, текст, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*** * ***

Действующие лица

Папачос, он же Кормилец, он же Давид или Дато – отец семейства.

Мамачос – автор, мать семейства.

Сандро – старший сын.

Мишка – младший сын.

Автошка, Мариска, Димка, Лука – кузены детей.

Наиле, Хатуна – тети детей.

Зура, Гия – дяди детей.

Два комплекта бабушек и дедушек детей.

Монти – пудель кузенов.

Лилу – собственная кошка детей, голубая британка.

Эпизодические персонажи – разнообразные соседи, родственники, друзья, знакомые, учителя и даже герои мультфильмов.

Вступление

Вообще-то я хотела жить совсем по-другому.

Мой день начался бы с вечера. Я бы вернулась из театра, или из консерватории, или из гостей в свой душистый дом в вазочках, рамочках и цветочках, уронила невесомые перламутровые туфельки на шелковый ковер, вытащила шпильки из высокой прически, аккуратно убрала гламурные одежды в гардеробную, потом приняла бы ванну с лавандовой солью, потом посидела за чисткой перышков и арт-хаусным кино и уснула бы в 23:00 с кремом на руках, веках и пятках – везде разным. Утром встала бы в 6:00 и пошла на озеро с собакой – в любую погоду, одетая цвет в цвет: если моросит, то белые хантеры, молочный зонт-винтовка и дождевик с рисунком Барберри, а если солнышко – на выбор кремовое, серое или голубое. Собака – кто-нибудь изысканный, вроде акиты, или умной, как профессор, овчарки.

Солнце отражалось бы в моих солнечных очках, ветер шевелил безупречно выкрашенные шелковые пряди, в голове рождались идеи увлекательных сценариев.

Потом я пришла бы домой, позавтракала авокадо и грейпфрутовым соком – конечно, фреш, – сделала массаж, или йогу, или фитнес, потом написала пару только что выдуманых рассказов, потом бы пошла по бутикам тратить баснословные гонорары или выкупать билеты на Сейшелы.

А что на самом деле?

Сандро торчит в ванной уже два часа, вся семья, включая кошку, сидит и напряженно смотрит в дверь.

Он изволил вылезти – клубы пара валят по всей квартире, кошка забегает к лотку, поскользывается на мокром полу и въезжает в песок, обвалываясь в нем, как пожарская котлета. Тем не менее она делает свое дело, не меняя напряженного выражения лица, вся в панировке, а мы продолжаем терпеть, монотонно выражая Сандро свое негодование.

Не успеваю зайти и смыть косметику перед сном, потому что следующим ванну занимает Мишка, хотя ему было сказано просто принять душ. Молодец набрал пластмассовых тунеядцев и играет с ними в пене, хотя уже здоровенный амбал и ему пора брить усы.

Приходит папачос и требует ужин.

Ужин давно остыл – все надо разогреть.

– Я хочу в туалет! Неужели нельзя было закончить свои дела до моего прихода? – возмущается кормилец. Мишка ухом не ведет, у него решающая схватка Шрека с безруким Суперменом.

Я тру глаза, потому что приняла таблетку и меня клонит в сон, а тушь все еще на ресницах.

Кошка глядит на меня и утробно мявкает в первобытном ужасе.

Мне еще надо намазать Мишке ранки новой мазью, сделать йодовую клетку на бронхи, наклеить полоску от храпа

Сандро, помыть посуду, загнать всех в кровати, но таблетка срабатывает, и я падаю головой в раковину с немытой посудой.

Там и засыпаю.

Благословенны будьте, дети мои, включая кошку.

Как вместо собаки завести ребенка

– Хочу собаку, – однажды подступила я к мужу, когда Сандрик стал вполне самостоятельным мужчиной пяти лет. – И ребенок хочет. Как может вырасти нормальный человек без собаки?! Нас двое, ты один.

На тот момент у нас были только этот самый мальчик, квартира без ремонта и нереализованные амбиции.

Муж потянулся, зевнул и посмотрел на меня очень ласково.

– Нам нужен второй ребенок, – сказал он. – А собаку в квартире – не могу. Ни я не могу, ни собака не может. Значит – два на два. Собака будет потом – на даче.

Дачи у нас нет и не предвидится.

Я скорбно поднялась, всячески демонстрируя угнетенную женщину Востока, и ушла зализывать раны. Однако же было ясно, что второго ребенка не избежать, и – чего греха таить, уже давно пора.

Второй ребенок – вроде инфекционного заболевания, которым можно заболеть в удобное для пациента время. Можно сразу, а можно лет через пять. И даже десять и семнадцать тоже не проблема: первый обязательный уже готов, а второй – это произвольная программа. Мама говорила – лучше не затягивать, все равно платить по одному счету – ночами не спишь, службу несешь, один или двое – особой разни-

цы нет, поэтому рожай впритык к первому, спина к спине, след в след. А ведь каждый ребенок имеет право на особенное внимание, а мать – на передышку, поэтому даже не думайте раньше, чем через три года. Я думала пять лет, а потом сдалась – все равно собаки нету, работать негде, а если родить второго ребенка – это как бросить все козыри в игру и сорвать банк.

Конечно, есть люди, у которых не то что два, а три, пять и даже восемь! Но два – это оптимальное число: не мало и не много, а в самый раз.

Став матерью уже двух мальчиков, я стала ждать удобного момента, чтобы опять завести разговор про собаку.

– Да какая еще собака! – с досадой возражал муж. – Девочку нам надо. Видишь, какие у нас получаются шикарные дети!

Невозможный человек! Я – осел, которого заманили морковкой на веревочке. Да что говорить – вся жизнь теперь состоит из сплошных отказов, и даже домашнее животное стало недостижимой мечтой.

Впрочем, что животное.

Я не умею свистеть. Просто посвистывать губами трубочкой – это не считается, а чтобы по-серьезному, свернуть пальцы в косичку, хитро пристроить их во рту и пропустить воздух сквозь самодельные регистры, да так, чтобы не сипеть и не плевать, а сразу выпустить верченый свист, от которого по небу трещины, барабанные перепонки навьлет, а на

другом конце улицы воробьи с земли врассыпную – такому не научилась.

Еще я не умею кататься на двухколесном велосипеде. Никогда не прыгала с парашютом. Не видела северного сияния. Не ходила в море на серфе и не каталась на водных лыжах. Не прыгала в бочке в водопад и не мчалась на лошади во весь опор – камерное сидение в седле на курортных клячах для памятной фотографии не считается.

Не успела.

Не сказать, что список безнадежно большой; он просто безнадежный, потому что всего этого я уже не сделаю и не научусь, потому что раньше надо было успевать – пока не родила детей.

А как родила – так и закрывай лавочку.

Но это еще не все.

Гораздо хуже то, что после рождения детей у женщин случаются потери в голове.

Моя свекровь по образованию – хородирижер. Или как это правильно сказать? Дирижер-хоровик? В общем, музыкант.

Но никто никогда не слышал, чтобы она занималась музыкой: заунывные напевы по время приготовления толмы не в счет, а к пианино она не прикасалась на моей памяти никогда.

– Мама! – уличали ее сыновья. – Признавайся, ты не музыкант на самом деле!

– После первой беременности я потеряла слух, – пожаловалась свекровь. – После второй – голос!

– А после меня ты что потеряла – чувство ритма? – неласково пошутил третий и младший сын.

Конечно, это все вранье, думала я, и – конечно, потери в моей собственной голове начались чуть ли с первого дня.

– Я оступела, – в ужасе признавалась я мужу. – Что со мной будет? А вдруг у меня начался Альцгеймер?!

Муж поднимал брови и в утешение говорил, что миллионы женщин родили детей до меня, во время меня и родят после меня, и ничего, а если бы они все теряли память, человечество бы давно выродилось.

Вот уж не знаю, что там остальные женщины, а я раньше могла прочитать страницу текста и тут же отбарабанить его наизусть! Голова работала как швейцарские часы: бесшумно и с ветерком. А сейчас что? Пока читаю фразу, в конце забываю, о чем шла речь в ее начале. Куда носят в починку поломанные швейцарские часы? Мысли идут по кругу, как цирковые пони, и состоят максимум из трех слов: ребенок орет, поменять штаны, еще не уснул, дышит или нет, уже проснулся, дать воды, чего тебе надо, ванная свободна, и все в том же духе. Если во время уборки мне попались умные книжки, я верчу их в руках, как шумерскую клинопись, не веря, что когда-то писала по ним диплом.

А куда пропало присущее мне когда-то безошибочное умение выдернуть из кучи барахла кофточку и юбочку и сде-

лать из них шикарный наряд? Теперь я беру одни и те же камуфляжные штаны, которые не жалко. А как же я могла танцевать всю ночь и веселиться до упаду, а утром сбегать сдать зачет? Сейчас я в ужасе смотрю за окно в вечернюю тьму и понимаю, что хочу остаться дома и ничего не делать.

Новое кино вызывает панические атаки: зачем громят такую прекрасную мебель? Зачем эта дура уходит из семьи – а детей кому оставляет? Ой, а тут назревает семейный скандал, не буду смотреть. Поэтому из всего мирового кинематографа остался только фильм «Римские каникулы»: все красивые, и никто не умер.

Хотя, если рассуждать хладнокровно, есть и приобретения: например, способность уснуть в любое время суток посреди канонады и при этом слышать, что делает ребенок. А умение безмятежно наслаждаться покоем посреди разгромленной детьми квартиры? А внезапно открывшаяся способность зарыдать от мультика, рекламы и даже от картинки в жвачке «Любовь – это...»?

И еще я научилась брать ребенка одной рукой и удерживать на весу за шкирятник. Правда, лет до пяти, не старше.

Конечно, все перемены происходили постепенно, за исключением самой главной – и этот день я запомнила навсегда.

Как стать матерью

Свинья сказала – с тех пор, как у меня есть поросята, я не пила чистой воды.

Грузинская пословица

– Почему ты не носишь сарафан, который я тебе подарил? – бестактно поинтересовался дорогой супруг. Где же мужчине понять такие тонкости?

Нос немедленно разбух, в глаза натекло ведро слез.

– Куда?! Куда я его надену?!

– Да на море хотя бы, – перепугался дорогой супруг, кляня себя за неосторожные слова – хотя в последнее время даже замечание о хорошей погоде могло вызвать извержение вулкана.

Жизнь была ужасна. Я стала толстой, как морская свинья, бесформенной, как ватный матрас, и слезливой, как крокодил. Все нормальные люди налегке ходили на море, а я в это время снаряжалась на ежедневную прогулку с младенцем, как в экспедицию на Южный полюс. Он должен был предварительно поспать, поесть, срыгнуть, покакать, потом его я быстро мыла, одевала в чистое и сажала к себе на грудь в сумку-кенгуру.

К этому моменту я была снаряжена, как спецназовец: волосы в хвост, штаны немаркие, кроссовки на липучках, на

одном плече – сумка с бутылочками, на другом – с запасными одеждами. Шатаясь от поклажи, я осторожно спускалась по лестнице и обреченно шагала в парк. Там младенец некоторое время сонно втыкал в природу, дышал воздухом, трескал свои бутылочки и, если повезет, – засыпал. Вне себя от счастья я вытаскивала книжку и читала ее на отлете, не понимая ни слова, – сидела на скамеечке полулежа, чтобы младенцу было удобно. Потом он просыпался, мы делали еще круг по парку, и от постоянного таскания тяжестей я приобрела хватки борца-сумоиста. Как я могу проделать все эти операции в дивном сарафане до пят?!

– А если бабушке оставить? – предложил вариант кормилец и зажмурился: опять мимо! Бабушку сложно осуждать: она вырастила своих троих погодков, сдала их невесткам и сейчас наслаждалась заслуженным отдыхом. К тому же внуки появлялись с устрашающей регулярностью, в год по штуке и, чтобы никого не обижать, она ввела мораторий: своих детей растите сами, а я не вмешиваюсь.

Тогда супруг придумал новый расклад: ребенка оставить на пару часов моей сестре, а потом забрать. Мир не рухнет, если один раз раз пропустить его прогулку!

Измученному долгим заключением воображению представилась заманчивая картинка: я выхожу на пляж в долгожданном сарафане в мелкую ромашку. Широким взмахом сдергиваю его с себя, оставшись русалкой перед родной стихией. Стремительно разогнавшись, взрезаю волны и плыву

наперегонки с дельфинами, преодолевая километры. Остаюсь одна посреди морского синего простора и возрождаюсь, как Киприда. Выхожу из воды, отжимаю косы, мгновенно высыхаю – кудри красиво окружают небесное чело – и забираю младенца, кротко проспавшего все это время. Единение с природой вернет меня к прежней жизни, и я снова стану стройной, как кипарис.

– На два часа! – умоляюще сложила я руки и стала наспех зачитывать инструктаж по присмотру за наследником.

Сестра повертела пальцем у виска, напомнив, что у нее в анамнезе две взрослых дочери, и выпинала меня за дверь, предварительно всучив единственный купальник размера «очень-очень-большой».

На улице меня охватил экстаз освобожденного каторжанина. Сарафан и сумочка! Нарядные люди! Руки свободны! И долгожданное море, наконец-то!

– А может, просто позагораешь? – с сомнением спрашивает воплощенное благоразумие в лице двух моих поджарых невесток. У них дети – почти подростки, два и три года, и втянутые животы, а я в своем сарафане похожа на майское дерево.

Они что, всерьез думают, что меня испугают волны?

– Вчера был шторм, – напоминают девочки и устраиваются загорать. Море в самом деле какое-то нервное – сплошная пена прибоя и ровный гул.

– Ну и что! – По задуманному сценарию стаскиваю с себя

одним движением сарафан и остаюсь в купальнике, который бы не надела даже моя бабушка: он бурый и местами пузырится.

– Девушки, – снисходительно говорю я, – вы не знаете, как я плаваю!

Девушки хмыкают и закрывают носы бумажками. Разбег по гальке не удался – пришлось входить в воду задом и позорно падать на спину. Ну, какая разница, если подумать.

Если есть на свете счастье, то я его достигла: море и свобода. Вот сейчас сплаваю вдаль, вернусь и... Что-то подозрительно: кроме меня, в воде никого нет. Волны слишком высокие, и гул чересчур громкий. А если покричать, меня услышат?

– Э-э-эй! – Хриплый крик попрыгал по волнам и тренькнул во вдохновенном шуме живой природы. Подожду еще немного, и пора выходить. Почему-то волны становятся все выше, и меня слегка укачало.

Пора бы уже выходить, но волны держат меня, как бультерьер соседскую щиколотку. Сценарий развалился на глазах. Неужели я утону? Это будет очень странно – молодая мать тонет в море на самом взлете своей счастливой семейной жизни: глупее не придумаешь.

На берегу – без перемен: яркое солнце подсушивает влажную гальку, девушки самозабвенно воркуют на пляже, подставляя солнцу тощие бока, море буйствует, и никто не смотрит в мою сторону. Вот тебе и триумфальный выход Кипри-

ды.

Сейчас я утону, и будет большой скандал. Город получит возможность смаковать подробности – экстремалка нашлась, ушла плавать в море после шторма, а грудного ребенка подкинула сестре! И этот бедный сиротка вырастет и спросит – а где же моя мама? А твоя мама, ответят ему, очень любила море!

Где-то спит крошечный мальчик, и он не виноват, что его мать – идиотка, он имеет право получить ее обратно. Самый красивый в мире мальчик, искусанный комарами, четырех месяцев от роду, похожий на совенка, скоро проснется, а мамы нет. И через два часа тоже нет. И утром... тоже нет... А все почему? Потому что я безмозглая курица, а никакая не Киприда, и впервые в жизни стало так страшно, как будто сейчас на меня из глубины движется белая акула.

– Господи, – традиционно вспомнила я о единственной возможной помощи в критический момент. – Я, честное слово, больше так не буду. Мальчик же не виноват! Пожалуйста, можно я выйду из воды?

И тут небеса прорезала молния и ударила прямо в меня, разрезав жизнь на «до» и «после». Ничего не имеет значения, кроме моего ребенка, и мои желания – тоже пыль и пустота.

Волна взяла меня на ладонь, подняла высоко-высоко над берегом и в форме морской звезды шлепнула на камни. По гальке пополз студень в затейливо развороченном танковом

чехле с залепленным волосами лицом, и курортники решили, что это такой малоизвестный вид йоги.

Дальше я благоразумно погрелась под бледным солнцем, клятвенно обещая небесам больше не валять дурака. Моря мне уже не хотелось, а только быстрее к мальчику.

Он действительно все еще спал, когда я пришла его забирать. Он крякнул от моих объятий и молча схватил бутылочку.

С этого дня я не катаюсь на каруселях – начинается морская болезнь – и с парашютом точно прыгать не собираюсь. Учиться свистеть уже не имеет никакого практического смысла, равно как и ехать смотреть на северное сияние. У меня другой эстрим: проверять, как мои дети делают домашние задания.

СОЧИНЕНИЕ САНДРО: «ОПЯТЬ ДВОЙКА»

Неистребимая картина «Опять двойка» призвана мучить поколения неокрепших детских умов своим мерзким видом.

В XXI веке ее описание на уроке русского задали Сандро Д.

С разрешения автора и при сохранении авторской стилистики, орфографии и пунктуации публикуем текст.

Петя пришел к своей семье.

(Сема у него есть, и он к ней пришел.)

Он был в плохом настроении. Петя получил двойку.

Очевидно что он плохо учится. Его лицо напоминало лицо младенца у которого отняли конфетку.

(Молоденец – это молодец в младенчестве.)

Мать Пети расстроена, потому что ее сын плохо учится.

(Она расстолась от горя, как тесто – ну еще бы. Сандро четко знает, что бывает с мамой двоечника.)

Но его сестра Маквала отличница, и ей тоже абидно, что у нее тупой брат.

(Сестра слишком прямолинейна – отличница не может быть солидарной даже с родным братом.)

Но больше всего расстроен брат Пети Хвича.

(Видимо, у Пети папа был русский, а потом его мама вышла замуж за грузина, и детей из патриотизма назвали такими кошмарными именами.)

Он очень слабонервный.

(Ну еще бы, такое имя носить – это кто угодно озверет.)

Петя такой двоешник, что его даже собака жалеет.

(Самый гуманный член «семи» – животное, как водится.)

Я думаю что он не исправиться.

С него болшого не выжмешь.

(Мрак, запустение и декаданс.)

– Хоть бы у нас была собака, – горестно заметил Сандро в ответ на наши повизгивания. – Она бы меня пожалела!

Теперь в нашей семье прочно поселился неологизм «молоденец» и фраза «мама расстоена».

Хорошо все-таки, что я тогда не утонула. Кто, кроме меня, вынес бы этих ужасных детей?!

Мишка и няня Марина

– Мама, наш Миша – русский? – простодушно спросил Сандро. Я не нашлась, что ответить. Мы – средняя грузинская семья, пусть не совсем нормальная, но все же в рамках стандарта. У нас дома все говорят на родном языке, а младший – на русском.

Объяснение этому очень простое – няня у него украинка, то есть попадает в категорию «русскоязычное население». Поэтому Миша первые слова сказал не просто по-русски, а с украинским акцентом.

– Я бежаю! – кричал он в парке Мзиури, и окрестные бабульки переглядывались в раздумьях: какой национальности этот похожий на китайца ребенок?

– Я помохаю. – Вырывал он из рук корзину с прищепками, из которых половина не доживала до следующей стирки – он строил из них динозавриков.

– Почему ваш ребенок говорит по-русски? – в упор спросила меня самая отчаянная бабулька, изведясь от любопытства. – Вы его усыновили?

Нашла я Марину в парке Мзиури.

Про Марину

– Мамочка, ты же приедешь ко мне? – с опаской в сотый раз уточняла я перед родами.

С опаской – потому что мои родители-пенсионеры презрели цивилизацию, поселились в деревне и никуда не ездят.

Папа хоть иногда посещает нас в ближайшем городке, а чтобы повидать маму, кровь из носу – надо приехать к ней в поместье. Для нее выезд из дома равнозначен эмиграции – у нее сад, огород, утки, корова и остальной зоопарк, не считая собаку и стадо кошек.

– Приеду, – вздохнула мама. – А потом как?

– А потом будет няня, – легкомысленно сообщила я, и тут у мамы чуть не случился удар.

– Кто-кто?! Няня? Какая такая няня? Чужой человек при моих внуках?

– Мама, – в сердцах взорвалась я. – Тебе и стиральная машина тоже не нравится!

– А что там может нравиться?! Эта ваша машина небось рвет все в клочья! А стирать надо бережно, ручками! Еще выдумали какую-то няню, революционеры!

Прежде чем взвинченная мама решила перебраться ко мне жить, бросив на папу хозяйство, я торопливо объяснила ей про нянь.

У меня была бабушка.

У всех моих друзей были бабушки. Дедушки тоже ошивались на заднем плане, но их роль была не так существенна. Бабушки всегда были дома, зоркие, как орлы, энергичные, как вечный двигатель, и деспотичные, как Пиночет. Бабушки координировали жизнь всего дома – как внутри, так и снаружи: запасали еду, проверяли уроки, отсеивали нежелательных друзей и хранили секреты. Они поддерживали всех в чистоте, сытости и здравом рассудке. Родители могли спокойно сбагрить потомков на руки бабушке и идти зарабатывать, а также в театр, командировку или отпуск.

В наше время все по-другому. Бабушки-дедушки у нас есть, но они все в другом городе, и дети висят исключительно на родительской шее. А в столице бабушки вовсе хотят жить своей жизнью, а не гробить остаток дней на неблагодарных внуков. И на место бабушек пришли спасительные няни.

Институт нянь возродился в последние годы со страшной силой, работающие мамы ищут хороших нянь при помощи детективов, выпытывают сведения у очевидцев, перевербовывают лучших Мерипоппинс, заманивают к себе, суля почет, уважение и царские оклады, и скорее разведутся с мужьями, чем отпустят верную воспитательницу несносных детей.

Я поступила очень здраво, начав поиски няни для будущего младенца на восьмом месяце беременности и выбрав территорию парка Мзиури: всем известно, что именно там заповедник наилучших профессионалов. С самого утра туда

стягиваются бабульки и нянечки с колясками, а также пехота и конные войска, то есть велосипедисты. Дети ковыряются в песочке, свита занимает места в партере и ведет обмен информацией.

Никто не подозревал, что безобидная беременная, похожая на атомный ледокол, на самом деле шпионит за нянями, подслушивает их разговоры и собирает оперативную информацию.

– Садись, детка, – суетились бабульки, уступая мне самое лучшее место в тени. – А это старшенький?

Старшенький проматывал золотые денечки в ранге единственного наследника и думал, чего бы еще стрясти с мамашки.

Памятка для отбора претенденток была заранее составлена на семейном совете – с учетом требований всех сторон.

– Няня должна быть красивая, – такие требования выдвинул супруг. – Чтобы у ребенка с рождения сформировался эстетический вкус!

– Она должна быть молодая, здоровая и энергичная, – поправляла я.

– Пожалуй, у меня все, – чесал затылок супруг и одобрял все мои пункты.

– Няня не должна совать нос в наши дела, а только исполнять мои требования, у нее должны быть свои дети – хорошо воспитанные, непременно спокойный и веселый характер, терпение и любовь к детям! Хватит? – Мне казалось, что

я забываю что-то важное.

– Да, – вспомнил вдруг кормилец. – А мы ей ничего не должны?

– Точно, – растерялась я. – Мы должны, как нет! Обращаться с ней с уважением и вовремя платить зарплату!

Долгий месяц прошел безрезультатно: я замечала все неутешительные подробности и косяки рабочего состава. Вот одна няня подняла с земли соску, вытерла ее платком и сунула в рот подопечному. А вот другая сидит и в упоении рассказывает про беспорядок в спальне своей хозяйки. Вот похожая на медсестру няня, которая мне вроде бы понравилась, равнодушно смотрит, пока ее воспитанница удобряет песком голову соседки.

Приуныв, я уже прикидывала, не пойти ли в агентство, как вдруг небеса расщедрились и привели нас в парк чуть пораньше. Я увидела парочку, которая растопила мое сердце: симпатичная брюнетка нежно заплетала косы трехлетней принцессе. С лету и не определишь – мама это или няня. На фоне суровых коллег женщина была моложе, красивее и лучше одета. Значит, мама. А почему у нее волосы темные, а у ребенка – золотые?

Продолжаем наблюдения. Девочка говорит по-грузински. Женщина отвечает ей на русском, но мое филологическое ухо уловило украинский акцент.

Я коварно закинула удочку:

– Какие красивые у вашей дочки волосы, – льстиво начала

я. – На папу похожа?

– Та я не мама, – жизнерадостно подтвердила мои подозрения женщина. – Я няня!

– А сколько ей лет? – вцепилась я в находку, как бультерьер. – В садик ей не пора?

– Три года, – подтвердила мои догадки няня. – А мне потом новая работа будет нужна!

Оставалось дипломатично задать несколько вопросов, указать на живот и записать номер мобильного.

Все-таки метод четкого формулирования своих пожеланий к небесам срабатывает.

Мишке было две недели от роду, когда Марина впервые взяла его на руки. Мама враждебно следила за каждым движением посторонней женщины, которой доверен ее драгоценный внук, и устроила тайные экзамены – выкупать новорожденного, постирать распашонки и приготовить бульон. Она шла следом за шваброй, которой экзаменуемая мыла пол, и поштучно проверяла отглаженные простынки. При желании мама может написать мануал по каждому из этих умений и завалить на экзамене любого, однако Марина с блеском избежала всех ловушек.

– Уезжаю с легкой душой, – сказала мама на прощанье. – Какая хорошая женщина! Если у нее дочка есть – надо ее за нашего Гиечку просватать. И стиральная машинка мне тоже понравилась!

Это высший комплимент, чтоб вы понимали.

Тарзан

Когда Мишке было четыре года, он насмотрелся мультфильма «Тарзан» и проникся уверенностью, что у него тоже две мамы.

Началось все с того, что перед уходом няни Марины вечером домой он встал возле двери, как швейцар, и решительно заявил:

– Ты будешь жичь ша мной.

Кое-как мы его оттуда отодрали и тайком выпустили Марину наружу. Подумать, что Мишка сдался, мог только последний лох. На следующий день он за обедом брякнул, хмуро глядя в тарелку:

– Твои дети бальсие. Они не будут плакачь.

Когда Марина ушла-таки домой, он безутешно рыдал и на все мои уговоры отвечал:

– А я хочу Марину!!!

Бедная женщина пришла наутро бледная и сказала, что Мишка снился ей всю ночь.

Далее пошли ежевечерние перформансы возле дверей, уговоры, обманы, подкупы, шантаж, запугивание и аргументы, заканчивавшиеся слезами, отдиранием от дверей и криками «Марина, беги!», слезами Марины, двухчасовым изматывающим нытьем, что Марина – его и больше ничья, и полным крахом всех воспитательных действий.

На что мы только не нажимали: и что Маринины дети плачут без нее, и что я тоже уйду к другому ребенку, и что мы его выгоним вообще на улицу, и что это за ребенок такой, и это ты, папочка, его так избаловал...

Мишка вроде соглашался, но вечером повторялось то же самое: церберская позиция у входной двери и рука на ключах.

Перед сном, измочаленная, я натурально вызывала жалость как законная и покинутая мать. Мишка, пыхтя, обнял меня за шею и заявил:

– Я зе Тарзан. У миня будит две мамы!

– Мишка, – горестно вздохнула я, – но у него же одна мама померла, а вторая была горилла! Ну и которая из них я?

– Горилла, – твердо сказал Мишка.

Если учесть, что настоящую мать Тарзана сожрал леопард, – неизвестно, кто из нас двоих в более выгодном положении.

– Миша, она пошла к себе домой, у нее есть дети, они хотят свою маму.

– Не-е-ет!!! Это МОЯ мама!

– Здравсте! А Алико и Елена разве не ее дети?

Думает. Морда в слезах. Вдруг придумал, и глаза засияли в бриллиантовом обрамлении:

– Алико и Елена – это Марины друзья!

Тогда Марина принесла воспитаннику вещдоки – фотографии своих собственных детей – и показала их во время

завтрака. Мишка долго смотрел на них, потом отложил в сторону, молча слез со стула и величественно удалился в другую комнату – переживать поражение.

– Боже мой, – прослезилась Марина в который раз. – Родные дети так за мной не плачут!

– Ничего, – утешила я. – Зато твоя старость будет обеспечена.

Надо сказать, что даже такая замечательная няня, как наша Марина, все-таки портит ребенка: она его балует и никогда не наказывает!

Благодаря Марине Мишка свои первые слова сказал на русском и не говорил на грузинском до года. Мы специально проверяли – понимает ли он хоть слово на родном языке? Он понимал, но упорно отвечал по-русски. Притом отвечал с блеском и разил наповал.

Самое первое выступление он сделал в полтора года: увидел на соседней крыше голубя в лохматых штанах, гарцующего на самой кромке, и заорал:

– Упадешь!!!

Мультики

Свой диплом я писала на кафедре культурологии и темой выбрала самое крутое на свете – язык кинематографа. В моей голове складированы целые вселенные киношедевров, на любой вкус – тут тебе и японское кино, и европейское, и неореалисты, и Пазолини с Тарковским. При мне запрещено упоминать о массовой культуре и уже тем более о сериалах!

Когда у тебя дети, высокое кино выходит в прихожую, оскорбленно переминается с ноги на ногу, потом надевает шляпу и молча удаляется в подполье. Мультики становятся на несколько лет вашей основной духовной пищей, и я могу даже написать на эту тему если не диссертацию, то монографию точно.

Даже если их не смотреть, мультики вползают в голову через уши: посуда, обед и стирка ждут вашего внимания, а детей распирает энергия, и нет надежнее способа их нейтрализовать, чем посадить перед экраном и включить гипноз.

Дети сидят, не шевелясь, ты занимаешься хозяйством и открываешь параллельный мир. Три электронные летающие девочки, Котопес, Розовая собака, Мусорная куча, Девочка-робот, Арнольд и Хельга, Джимми Нейтрон и, наконец, непостижимо популярный всеобщий любимец, полный идиот Губка Боб Квадратные Штаны!

На фоне этого падения нравов Том и Джерри показав-

лись мне Нобелевским лауреатами. Чтобы не деградировать окончательно, купила кассету советских мультфильмов: Карлсон, Простоквашино, Бременские музыканты. Пусть приобщаются к классике!

Кто бы мог подумать, к чему это приведет?

Через две недели пришлось пожинать плоды.

– Глупая ты баба! – четко сказал Мишка в ответ на мое пожелание сесть подальше от экрана.

– Чего?! – Пошатнулась я и дико посмотрела на Марину. Она пожала плечами, и мы вдвоем уставились на ничуть не смущенного молоденца. – Откуда ты это взял?

Виновник хранил гордое молчание и перематывал кассету на любимое место.

– Папа такого не говорит, – лихорадочно вела я расследование. – Сандро тем более. В парке услышал? Не мог же он сам это выдумать!

– Кто там? – услышали мы дублирующий голос фанатичного зрителя.

– Ды никто, – озверел в очередной раз почтальон Печкин, Мишка покотился с хохоту на пол, и в моей голове забрезжила догадка.

– А ну-ка, отойди, – сказала я, вырвав пульт и приготовившись досконально просмотреть сборник: ведь я ни разу не видела его до конца.

Так и есть! В самом конце обнаружился неизвестный мне мультик «Сказка о глупом мужике», где самоуверенный ма-

чо-муж через слово повторяет своей задавленной Домостро-
ем жене: «Глупая ты баба!»

Тогда я купила другой хит своего детства – японский мультик «Кот в сапогах». Мишка переключился на него безболезненно, но подсел так же плотно, как на все, что ему нравится: он смотрит любимые сюжеты по кругу с утра до вечера, если не отодрать от экрана, поэтому весь текст знает наизусть.

Вернувшись с очередной прогулки, Марина рассказала:

– Он заявил своим друзьям в парке: «Молчать, деревенщина!» Его же отлупят в конце концов!

– Не отлупят, – надменно отозвался хулиган из ванной. – Кроме меня, таких слов там никто не знает!

Самое смешное было даже не в том, что именно говорил Мишка, а в контрасте: крошечный муравьишка выдает вполне взрослые фразы на безупречном русском языке.

Мишка с Мариной идут с прогулки мимо магазина игрушек. В витрине всякие соблазнительные джипы. Миша, как ребенок-беспризорник, рассматривает их с улицы, прилипнув носом к стеклу.

Марина:

– Попроси папу, он тебе купит.

Миша с тяжелым вздохом:

– Марина, о чем ты, это нереально...

И, понурясь, уходит прочь.

Или, например, копируется фраза вместе с мимическим рядом: Миша обрызгался соком, сидит с застывшим лицом, потом говорит каменным голосом:

– Я чувствую себя идиотом.

Мишка получил от папы маленькую машинку. Прирожденная вредность и инстинкт разрушения заставили его наступить на нее и сломать. Все налетели на Мишку и заахали:

– Мы всё скажем папе!

Разрушитель и бровью не ведет.

В это время звонит телефон. Марина, мстительно:

– Вот и папа!

Мишка, убегая:

– Меня нет дома...

Мишка вел себя ужасно, и я придумала за обедом:

– Слушай, это плохой Мишка пришел, как он мне надоел!

Прогони его, где мой хороший Мишка?

Вышеозначенный молодой человек с остолбеневшим видом начинает лупить себя по голове.

– Нет, Миша, я не это имела в виду – зачем ты себя бьешь?!

Мишка меняет меру наказания и с таким же деревянным лицом бьется лбом об стол:

– Я прогоняю плохого Мишу!

Облившись холодным потом, я в панике пытаюсь пресечь дикую выходку.

Сандрик, проходя мимо:

– Мишка, ты что, мазохист?

С радостной улыбкой на разукрашенной фингалами ро-
жице:

– Да!!! Я мажохишт!!!

У меня ненормальные дети.

Сварила клубничный джем, дети так напробовались, что
животы стали, как арбузы.

– Мишка, лопнешь, – говорю я.

Мишка думает и жует третий бутерброд с джемом.

– Еси я лопну, я зе буду порватый, – укоризненно отвечает
он наконец.

Утром в субботу брательники просыпаются поздно, у Сан-
дро отличное настроение – школы нет. Он предлагает Миш-
ке поиграть в шпионов. Мишка лежит с чебурашечными гла-
зами, еще сонный, толстый, как воробей, и говорит строго:

– Я не могу играть, потому что у меня кончились нервы.

Мультки мы все любим до сих пор. В конце концов,
Мишка приобрел благодаря им неплохое знание русского
языка, а Сандро – английского. Высокое кино поняло, что
вполне может с ними ужиться, постепенно вышло из подпо-
лья и вернулось. Но я, стыдно признаться, продолжаю смот-
реть с Мишкой любимые серии Спанч Боба.

День стрижки

– Пора стричься. – Раз в месяц я, собравшись с духом, ставлю Сандро перед фактом. По его реакции несведущий человек может подумать, что на самом деле ему намерены сделать пластическую операцию на все лицо.

– Нет, – молниеносно отвечает он прежде, чем я закрою рот.

Каким чудесным, удобным ребенком Сандро был еще пару лет назад! Я просто брала его за руку и вела в салон, он молча садился в кресло и так же молча вставал, и даже иногда клевал носом под уютным покрывалом. Мастер ловко щелкал ножницами, машинка жужжала под ухом, прическа заранее известна – отчего бы и не подремать?

Самая распространенная мальчишеская стрижка в наших краях имеет интересное название «нанэт»: затылок и виски выстригаются машинкой почти под ноль, сверху оставляется шапочка. Если волосы прямые – получается Емельян Пугачев, если кудрявые – бурсак Хома Брут. Сандро ходил с этим нанэтом без претензий, начиная с детского садика, но вдруг заделался рокером, и у меня прибавилось седых волос.

Во-первых, штаны отныне могут быть только джинсы шириной с карандаш, и скажите спасибо, если не рваные. Во-вторых, из обуви допускаются только кеды. В-третьих, волосы – исключительно длинные.

В рамках этого кодекса жить совсем несложно – ребенок обходится нам буквально в копейки.

– В мое время мальчиков стригли под ноль, – осуждающе говорит в пространство дедушка, переключая каналы.

И как мне прикажете себя вести? Как всегда, отражаю атаки с двух сторон: по мнению старшего поколения, я детей распустила донельзя, по мнению детей – нарушаю их права и лезу в личное пространство.

У меня было хорошее детство, но тогда никто ни сном ни духом не подозревал, что у детей есть права. Например, я уже в четвертом классе точно знала, что пианиста из меня не получится, но все равно пришлось ходить в музыкальную школу все семь лет и получить набитый «тройками» аттестат, который мне не понадобился ни разу в жизни. А что говорить про внешний вид! За отрезанную челку меня чуть не четвертовали, не пускали ходить с классом в кино и не разрешали носить джинсы. Я молча давала клятвы, что буду самой доброй матерью, никогда не скажу на просьбы детей «нет» и вообще устрою детям совершенно райскую жизнь.

По-моему, самое удобное – не делать вообще ничего.

Завуч поймала в школьном дворе похожего на Джельсомино в стране лжецов Сандро и заодно поманила меня пальцем.

– Или вы его приведете в порядок, – ласково предупредила она, – или я сама отрежу ему ножницами вот здесь, и придется вам его стричь под ноль.

– Ребенок – драмер и рокер, – еще ласковее возразила я, и тревожно-вопрошающие глаза Сандрика наполнились благодарностью. – И хиппи, чуть не забыла.

Завуч отпустила Сандрикины кудри и по инерции продолжила:

– Какой еще в школе может быть рокер... и хиппи.

И замолкла. Обычно матери ведут себя более сговорчиво.

Я улыбнулась во всю мощь своих шестидесяти четырех зубов. Завуч осмотрела нас сверху донизу и пустила ядовитый газ:

– Вообще-то я бы на вашем месте посмотрела на его успеваемость.

Сандро побледнел и сник. То есть если бы он учился прилежно, ему бы разрешили ходить лохматым? Или наоборот – когда его постригут, он начнет учиться как подорванный?

Вечная дилемма – быть на стороне детей или социума!

– Я не хочу стричься, – угрюмо повторяет Сандро. – Каждый раз ты меня обманываешь, что будет круто, а потом в зеркале – мексиканская звезда! Я же рокер!

Свободу самовыражения рокера я отстаивала до тех пор, пока в одно превосходное утро расческа не сломала себе зубы в его буйных кудрях.

– А причесываться рокеру тоже запахло?! Все, будем приводить вас в порядок, – решила я и отвела его к парикмахеру Лене, заодно прихватив под горячую руку и Мишку.

Он потянул за собой Марину, и в салон ввалилась нервная толпа.

Сандро сел в кресло мрачный, как граф Дракула, и не проронил ни слова.

– Пусть его Гарик пострижет, – испугалась Лена и пошла работать с Мишкой.

Зря она это сделала.

Мишку обслуживали восемь человек, сменяя друг друга и в перерывах убегая пить холодное пиво. Мальчик строил мученические рожи, как будто его не стригут, а эпилируют. Бедная Лена чуть не откромсала себе пальцы. Под конец мальчик-подмастерье держал Мишкину драгоценную голову на весу, Марина на все лады расписывала, какой он стал красавчик, я нервно прихлебывала третью чашку кофе, Сандрик тыкал брату под нос каталог с чужими крашеными патлами, а Лена, чертыхаясь, пыталась ровно выстричь затылок.

Мишка посмотрел на себя в зеркало, потер нос через накидку и стал похож на детеныша йети.

– Мне падходит, – надменно выдал он вердикт, и все рухнули.

В награду за проявленные смекалку и героизм все служащие салона красоты получили по мороженому.

Пост-фактум.

Уютный вечер. Мишка играет с соседской девчонкой, СанСан готовит уроки, я ковыряюсь на кухне. Саныча имен-

но во время изучения математики осеняют интересные идеи, которые требуют незамедлительного разъяснения.

– Мам!

– Что?

– Что такое «бакенбарды»?

(Пауза.)

– Откуда ты их сейчас вспомнил?

– Ну мам...

– Спанч Боба смотрел? Сиди решай!

– Ну, скажи!

– Это такие... усы, что ли... продолжение волос по бокам лица.

(Полное непонимание на лице.)

– А зачем они?

– Ну сейчас уже низачем, но вообще для красоты.

Сандро, презрительно сморщив нос:

– Вот эти котлеты по бокам лица – это красиво?

Я, утомленно:

– Ну, не всегда красиво, а когда модно, красиво. Хватит дурака валять, смотри в тетрадь!!

(Пауза.)

– Мам, а что такое «модно»?

Я, увлеченно:

– Ну, мода – это что круто в данный момент времени. Вот раньше женщины ходили в огромных платьях, под ними сто юбок крахмальных – красота! А сейчас уже так не походишь:

неудобно...

Сандро, почесав ручкой лоб в раздумье:

– Мам! А как понять, что сейчас модно?

Я, неуверенно:

– Ну, я не знаю... вот что все носят, то и модно... но это скучно... можно на канале моды посмотреть... журналы есть специальные... (Спохватившись.) А тебе только модные журналы не хватало рассматривать!!! Нашелся модник, от горшка два вершка, а туда же!

Сандро, подумав:

– Если бы ты разбиралась в моде, поняла бы, что ТАКАЯ стрижка, как у меня, – это не модно! (С достоинством утыкается в математику.)

– Они отрастают, – легкомысленно утешила я рокера и быстро слиняла в ванную.

По прошествии некоторого времени Мишке перестала нравиться его стрижка, и каждое утро он сам укладывает волосы.

И попробуй только вмешаться!

Он выставляет всех из ванной, мухлюет там двадцать минут и потом лучезарно выходит на подиум.

– Посмотри на меня, – слышу я из-за спины.

Оборачиваюсь.

Мишка сияет, как медный таз.

Его мокрая голова причесана, как у полового в русском

трактире, – на прямой пробор – а ко лбу приклеена ровная прядочка.

– Правда, красиво? – требовательно дышит мне в лицо красавчик, и у меня нет другого выхода, кроме как немедленно согласиться.

Генетика

Когда мы только поженились, а я ждала первенца, в нашей маленькой комнатке места хватало лишь для двух кроватей и одного плаката на стене. Брук Шилдс, подаренная мне на каком-то студенческом фестивале, разместилась напротив спального места, утешая глаз неземной красотой.

– Слушай, она все время на меня смотрит, – пожаловался молодожен, пробираясь к выходу. – У тебя что, больше никого нет?

– Был еще Том Круз, но мой папа его выбросил перед вашим официальным визитом, – жестоко страдая от токсикоза, пробурчала я. – А все остальные я раздарила еще раньше.

– Давай ее тоже выбросим, – предложил муж. – Она мне на нервы действует.

– Ты ничего не понимаешь, – рассердилась я. – Когда ребенок пошевелится, он будет похож на того, на кого в этот момент смотрит мать. Так что я буду смотреть на нее, и ребенок получится красивым!

– А почему бы не смотреть на меня? – Обиделся молодожен, похожий на юного Пушкина.

– Ты все время на работе, когда же на тебя смотреть, – удивилась я. – И потом – если будет девочка? Ты о ней подумал?

Будущий отец критически смотрел на себя в зеркало. Но-

сатая чернявая тощая девочка с африканскими волосами вы- звала у него острый приступ жалости.

– Кто ж ее замуж возьмет, – прагматично соглашался он и прикидывал размер необходимого девочке-Пушкину при- даного.

– Давай ее все-таки уберем, она меня бесит, – попросил муж. – По-моему, она глуповата, мало ли – а вдруг правда подействует?

Так я упустила шанс родить ребенка голливудской красо- ты. Зато оба сына похожи на отца – что, честно говоря, очень удобно, никто не пристаёт с дурацкими шуточками насчет соседей.

Например, наш приятель – черный, как кубинец, и жена- тый на брюнетке, – разглядывая своих нежно-пепельных до- черей, свирепел, выходил на балкон и орал:

– Признавайтесь, на кого из вас похожи мои дети?!

– Джан, успокойся, это же Авлабар, – откликался снизу сосед-сапожник. – Откуда у нас тут пепельный блонд?! В Ев- ропу случайно жену не возил?

Озадаченный папаша возвращался в дом, смотрел на фо- тографию тещи-блондинки и временно успокаивался.

В нашем случае за душевный покой можно не волновать- ся – стоит только посмотреть, и все как на ладони: оба похо- жи на отца. Особенно младший – ксерокопия, а не ребенок. Долгое время я верила, что по крайней мере старший пошел в меня, но все в один голос утверждают, что и он весь в отца.

Единственное, что дети взяли от меня, – носы.

Почему мое безусловно прекрасное качество – страсть к чтению – не передалось ни одному из моих детей?! Может быть, Брук Шилдс не любит читать, и мои дети унаследовали именно это ее свойство?

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ НА ГОРНЫХ ЛЫЖАХ, ИЛИ БРИДЖЕТ ДЖОНС, КОТОРАЯ ВЫШЛА ЗАМУЖ И РОДИЛА ДВОИХ ДЕТЕЙ

Я готовилась к этой поездке чуть ли не с прошлой зимой: в тот раз Бакуриани стоил мне пары десятков вырванных дней жизни и пары сотен седых волос, но теперь, когда я еду в приличную гостиницу с кормежкой и индивидуальным санузлом, а также без занудливого папочки, все будет по-другому.

– Я, в конце концов, встану на лыжи и буду кататься по два часа в день, – грезила я, – скользя мимо восхищенных лыжников по трассе, – это раз, не буду ужинать – это два, а по вечерам настучу все тексты, до которых не доходят руки, попивая горячий шоколад и глядя на тихо падающий снег за окном... А дети будут учить историю и составлять кубики в полисемантические слова – это три и четыре, лишь иногда прерываясь на шахматы и интеллигентно разговаривая шепотом: мама работает, а они ценят мой труд... И самое главное: Сандро будет читать, хочет он этого или нет!

День первый

Таксист трещал ровно три часа, не переводя дыхание, и поведал мне всю историю своей пестрокрап леной жизни в мельчайших деталях – включая две женитьбы, службу в Афгане и участие в работе избирательной комиссии.

Дети оцепенело уснули под его эмоциональные перформансы, но возле самой гостиницы Мишку вырвало-таки на снег.

Боже мой, таксист-Бендер дал мне телефон на случай, если я надумаю купить дачный домик по дешевке, тысяч за сто пийсят – сущие копейки. Надеюсь, это была наша первая и последняя встреча.

Дети вывалялись в снегу и полезли под одеяла греться.

– Будешь читать в день по десять страниц, – металлическим голосом сказала я Сандро, вручая ему «Собаку Баскервилей». Он попробовал сторговаться на шести – но получил огненный взгляд и заткнулся.

Кстати, в номере нет стола и стульев.

Где же печатать гениальные тексты? На полу, что ли?

Папачос позвонил и сказал, что дома отключили электричество.

Я сказала, что все уплачено, – пусть проверят проводку.

Так и есть: тоже мне, паникеры.

Поживите там без моего менеджмента, хе-хе.

А впереди еще девять дней.

День второй

За окном падает снег.

– Здесь везде снег, – мрачно изрекает Мишка и натягивает одеяло на нос. – Я нибуду вставачь.

Самое время собрать вещи и уехать обратно.

Завтрак превзошел все мои ожидания: ничего, я же решила воздерживаться от ужина.

Тем более что мы идем кататься!

– Ненавижу лыжи, я на санки пойду, – все так же мрачно изрек младший сын, кося глазом на лотки с китайскими Спайдерменами.

Так, один день прошел без изящного скольжения по трассе: как и в прошлом году, некуда девать Мишку.

Перед ужином Сандро мучительно жевал книгу, одолел шесть страниц, получил штраф – завтра плюсуем к десяти еще четыре.

День третий

Выборы сегодня, кажется.

Я изрядно разочаровала своего виртуального знакомого, признавшись ему, что на выборы не иду.

Позвонил папачос и сообщил, что прорвало отопление – из-за мороза.

Зачем голосовать, спрашивается?

Зато я иду кататься!

Мишка всучен инструкторше, я бегу за лыжами.

Мне попался местный юнец, словарный запас которого

стремится к нулю. Пробую делать лыжи тре угольником, почему-то все равно еду быстро и падаю на задний мост. Ботинки жмут, ноги мерзнут. Зачем мне все это нужно?! Хотя один плюс точно есть: я согрелась до распахивания куртки настезь.

Ноутбук вызывает тоску и икоту.

Дети поиграли в «вертолетики».

Почему я не скачала себе детективы?!

Везет Сандро: у него есть «Собака Баскервилей». Впрочем, он угрюмо опровергает идею о везении, читая свои штрафные страницы с видом узника совести.

День четвертый

За окном падает снег. Просто удивительно, как ему не надоест.

Кстати, о куртках: почему я не взяла шубу? Почему? Почему????!!! Подумываю переделать на скорую руку две моих коротенькие куртяшки в нечто, закрывающее задний мост.

Может, перешить гостиничное одеяло в пончо?

Дети обнаружили канал «Джетикс» – теперь можно расслабиться и не переться на лыжню сразу после завтрака.

Я откопала в холле журнал «Караван историй» четырехлетней давности. Бегло пробежала глазами все статьи, ничего не усвоила.

Даже Ямпольский и тот увлекательнее.

У меня нехватка общения со взрослыми людьми, но

постояльцы при ближайшем рассмотрении оказываются непригодными для этой миссии: они все приехали с детьми, которые плохо едят, поэтому основная тема их бесед – стратегия и тактика насильственного вскармливания довольно-таки здоровых амбалов.

Я, судя по всему, крайне неблагонадежна – ибо при первой же попытке юноши Михаила остаться голодным выперла его из столовой.

Мать-ехидна.

Я ем все подряд, всего так много, и все такое вкусное.

Зря все-таки я взяла с кормежкой: съесть все даже мне не под силу, и деньги будут выброшены на ветер.

Я не пролезу в двери.

Зато Сандро уже ложится на свою верхнюю полку с книгой после всего лишь десяти минут нотаций.

День пятый

Вива, вива!

Аллилуйя!

Ровно середина нашего пребывания в этом кошмаре.

Тем не менее снег продолжает падать, черт бы его побрал.

Мне пока что удается заставить себя вытащить детей на прогулку на пару часиков.

Единственный человек, получающий несомненную пользу от Бакуриани, – Сандрик: он освоил сноуборд, причем без помощи инструктора. Видимо, он готовится в каскадеры –

судя по количеству вспаханного носом снега.

Кроме того, ежедневные десять страниц уже не требуют моих вырванных нервов.

Обнаружен кинотеатр, подаренный бакурианцам нашим национальным олигархом. Еще раз аллилуйя – закинула детей на двухчасовой фильм с Джеки Чаном.

Они нажрались попкорна и не в состоянии ужинать.

Ну и ладно: пирожки с картошкой и с горячим чаем – ммм! На рыло – по две штуки. Для приличия предложила детям по полпирожка.

Бабуля с соседнего столика облегченно вздохнула: я не морю детей голодом.

День шестой

Мишка дал согласие встать на лыжи, но изъявил требование кататься без инструктора. На вопрос, как он самостоятельно будет подниматься на бугеле, молча взвалил лыжи на плечо и побрел в гору.

Интересно, каким образом столько упрямства помещено в таком маленьком мальчике.

Спустился с горы на бешеной скорости, вызвав у публики желание посадить безответственную мать в тюрьму. Обошлось легким кувырком в сугроб.

Встретила кучу знакомых, которых не видела лет семьдесят. Азартно обменялась со всеми телефонами, понимая, что никогда никому не позвоню.

Интересно, какая сила может заставить меня выйти из гостиницы на морозе после захода солнца?

Разве что свой телефончик мне подкинет Джордж Клуни.

Позвонил папачос и сказал, что во всем квартале отключили воду: замерзла и лопнула труба.

Еще одна причина не голосовать.

Я велела, чтобы к нашему приезду починили.

Папачос выразительно помолчал в трубку.

Какая-то девица из сетевого маркетинга пришла соблазнять нас чудодейственными кремами из японских водорослей. Я не верю в силу подтягивающей маски, заменяющей пластическую хирургию, но за компанию, за бесплатно и от нечего делать дала намазать половину лица.

Через десять минут намазанная половина засохла, стянулась в кулачок и полезла к бровям.

Вошел хозяин и увидел шестерых женщин-монстров, молча повернувших к нему перекошенные лица, а ведь одна из них полчаса назад была его женой.

Он получил шок, который выразился в громком произнесении нескольких некодифицированных слов.

Боже мой, а еще очки носит.

Сандро читает молча с нескрываемым азартом в лице.

День седьмой

Невероятно, осталось всего два дня!!! Ну три, три, но на третий день мы уезжаем, так что не считается.

Снег прекратился, зато вышло солнце, и страшный мороз, поэтому ходить крайне травматично. Гораздо приятнее наблюдать падающий снег, чем падающих людей.

«Караван историй» прочитан второй раз – вдумчиво и с расстановкой. Теперь я все знаю о жизни Кейт Мосс, дочери Фрейндлих и фотопроекте «Рождественские открытки».

Кажется, у них где-то завалились «Семь дней» с вырванными на растопку страницами.

Женский персонал гостиницы обсуждает постояльцев, вынося приговоры направо и налево. Ради интереса присоединяюсь к ритуальному кофепитию: узнала столько шокирующих подробностей о парне из номера напротив!!!

Жена у него русская, и дети не его, и живут они в Саратове, и она держит его под каблуком, и он ходит у нее по струночке, и так им и надо, это мы, грузинские женщины, дуры набитые, сажаем себе мужчин на шею.

С ума сойти, не повариха, а Эдгар Гувер в юбке.

Тем же вечером разговорилась с русской женой – которая оказалась мегрелкой-блондинкой, и выяснила, что у них трое детей, из которых старшей уже тринадцать, живут они в Тбилиси по соседству со мной, а маленькая Элисабед превосходно объяснилась на грузинском языке.

Гм.

Не буду разочаровывать повариху.

– Мам, можно я прочитаю не десять страниц, а шестнадцать? – умоляюще сказал Сандро с верхней полки.

Не верю своим ушам!

День восьмой

По телевизору увидела Бриджет Фонду: к моему ужасу, это оказался фильм «Снежная королева». Кай битый час бродит по ледяным коридорам, а меня и без того проморозило до печенок. По-моему, это чей-то злой умысел.

Может, все-таки махнуть домой? Подумаешь, два дня: неужели это отразится на бронхах?

Маленькие засранцы отказались уезжать.

Ну что ж, последние два дня – это нечеловечески тяжело, но чего не вынесешь ради детей.

Минуты буквально ползут, как коматозные черепахи.

В следующий раз пусть их везет папачос.

Ну да, размечталась: куда он поедет с ними один?! Вот что бы он делал в этом случае – когда Мишка надул в кровать?
А?

Стирал бы простыни, сушил матрас? Фиг!

Он бы дал персоналу денег и приказал все поменять.

А я – как дура.

Впрочем, почему «как».

Уж лучше бы шел снег.

Сандро получил всемиловистейшее разрешение читать сколько угодно за раз. Разбудите меня, я сплю.

День девятый

Таких морозов не помнят старожилы – пожалуй, на этот раз правда не помнят.

Ночью минус 25.

И в Тбилиси то же самое.

Надо было выходить замуж за конголезца Мориса и жить в Африке.

Целый день проторчали в гостинице, изнывая от предвкушения возвращения домой.

Вечером Мишка потребовал выйти кататься.

И в самом деле, почему бы не пойти напоследок?

На улице – вечная мерзлота.

Ветер, тьма и лед под ногами.

На трассе – никого.

Спотыкаясь и звеня обледенелыми конечностями, ковыляем несолоно хлебавши обратно в гостиницу под эпические завывания Сандрика:

– Почему мы всегда делаем то, что хочет этот противный моллюск?! Что я делаю на улице?? Хочу домой, к папе! Хочу в свою кровать!! Хочу под одеяло!! Горячий чай!! Ааа, ооо, уууу!!!

На эпос сбежались окрестные собаки – злобные кавказские овчарки, придав нашему готичному шествию джеклендоновский колорит.

– Нет, это все собаки Баскервиля! – лютовал начитанный парень, подталкивая моллюска в сторону заборов. Пожалуй, он слишком впечатлился.

День десятый

Вива, вива, аллилуйя!!!

Три часа с глухонемым таксистом – и вот он, дом-ми-
лый-дом!!

Улицы обморожены, обезлюдели, притихли – появилось ощущение нереальности происходящего.

Дома нас ждал сюрприз: шведская стенка с канатом и боксерской грушей.

Груша не выдержала Мишкиного восторга и оборвалась немедленно.

Сандрик скovyрнулся коленом на пол.

Беспроводной Интернет исчез – потому что папачос прибил степлером какие-то кабели к плинтусу и пробил их насквозь.

Заодно и ковер оказался прибитым к полу намертво: чтобы не елозил. Кто дал этому человеку запроваленный скобками степлер??!!

Школу отменили еще на пару недель.

Оппозиция бунтует, журналисты разбежались, президент принимает поздравления.

Теперь меня волнует только один вопрос: почему я не взяла путевку в Бакуриани до лета. Может быть, мои дети прочитали бы все книжки в местной библиотеке.

Домашние игры

Вечером неожиданно вырубили свет.

Дети предложили во что-нибудь сыграть при свете свечей.

Перебрали варианты – остановились на игре «Двенадцать вопросов»: угадывать задуманного персонажа при помощи вопросов, на которые можно отвечать «да» или «нет».

В самом деле, надо же хоть каким-то способом просвещать детей, если они не желают читать книги!

Тренировочный раунд прошел успешно – Сандро загадал Мишку, мы отгадали легко.

Дальше была я, загадала Барака Обаму, почему-то увязли в профессиях: для моих детей существуют только музыканты, киношники, телевизионщики и военные.

– А какие еще профессии могут быть? – сильно удивился Сандрик.

– Президент, – удрученно разъяснила я ему, понимая, что его картина мира сильно лучше моей.

Дальше загадывал Мишка.

– Это живой человек?

– Нет!

– Мертвый?

– Нет!

– Это вообще человек?

– Нет!

– Значит, персонаж из мультика. Так, в каких мультиках есть персонажи-предметы? «Красавица и Чудовище», но там этих предметов, как собак нерезанных. Может, «История игрушек»?

– Нет!

– Это вообще из большого мультика? Или из сериала? Я их не смотрю, откуда я могу знать, что это такое?!

– Нет!

– Что – нет? Большой мультик? Киношный?

– Да!

– Ага, большой... Сколько вопросов осталось... Сандро, ну вы все время смотрите вместе, ты должен угадать.

– Думаю, думаю!

– Может, это Осел из «Шрека»?

– Нет!!!

– Ну, мы так до утра не отгадаем. Может, это Дракон?

– Нет!

– Хамелеон?

– Нет!

– Ну дай подсказку хоть!

– Это говорящий предмет!

– Ну тогда... Часы?

– Нет!

– Нуууу, так невозможно играть. Ну говори, что ты задумал?

– ГОВОРЯЩИЙ ПУЛЬТ!!!

Молчание.

Мы с Сандро напряженно вспоминаем мультик, где есть говорящий пульт.

– Что за мультик?

– Я сам его выдумал! Мультик так и называется – «Говорящий пульт»! И там семья говорящих пультов!

В страшном разочаровании мы дисквалифицировали Мишку, продолжаем играть. Загадал Сандро, отгадываю я.

– Так. Это мужчина?

– Нет.

– Актриса?

– Да.

– Хорошая?

– Не очень.

– Я ее люблю?

– Не очень.

– Блондинка?

– Да.

– Черт, таких полный Голливуд. Знаменитая?

– Да.

– Так, Кейт Хадсон, что ли?

– А это кто?

Вклинивается Мишка:

– А может, это Боб?

– Кто такой Боб?

– Да никто, просто имя смешное!

– Слушай, тебе слова не давали! Так, мам, продолжай.

– Ну, Мерил Стрип хорошая, я ее люблю, не подходит.

– А это кто?

– Позорище! Ну кого ты там можешь знать еще, не Бритни

Спирс же. Она не поет, случаем?

– Нет.

– Ну говори, кто?

Сандро медленно заводит подсказку:

– Ее фамилия немного похожа на нашу...

– Диас, что ли, Кэмерон? Ну – нашел кого загадывать!

Под конец свет дали, мы доиграли – я загадала нашего
приятеля и однофамильца музыканта Ниаза.

– А может, это Боб?

– Да заткнись ты со своим Бобом! Этот человек из нашей
семьи?

– Ммммммм... Не совсем.

– Что значит – не совсем? Я имею в виду нашу большую
семью вместе с друзьями.

– Ну тогда – да, близкий друг.

Бедные дети пыхтели и перебирали всех друзей.

Под конец выяснилось, что это певец Ниаз.

– А что, у него фамилия, как у нас? – удивился Сандро.

Господи, как они будут жить!

Жду следующего выключения света, чтобы продолжить
просвещение.

Утренний подъем

Каждое утро я просыпаюсь и вспоминаю – а что у меня в жизни хорошего?

Громоздится какая-то куча невнятного хлама, состоящего из частиц «не», – не сделала, не успела, не смогла, не захотела, не поехала и не увидела, это всего на секунду, и каждое утро с неба сбрасывают спасательный трос – крученный такой, корабельный, – и резко дергают вверх.

Наверху – свет, тепло, солнечные пятна и щебетание птиц в ветвях старых магнолий: сейчас, сию секунду, на верхней полке храпит Сандро, а внизу хмурится Мишка.

И все точки расставляются над положенными «и».

У меня есть они, и я могу прямо сейчас пойти и потрогать их. Погладить спинки – у одного костлявая, как стиральная доска, у второго в шерстке и мягкая. А они дышат. И утренний сон бегают под голубыми веками.

Как можно к этому привыкнуть?!

Правда, мне придется их мучить, будить, отправлять в школу, пилить из-за кучи всякой ерунды, но день уже переливается, и я иду к тому, с кем можно поделиться, а то лопну, и он смотрит на меня, и мы оба понимаем, почему улыбаемся, как идиоты, и это самая крепкая связь: у кого-то – зажигать фонарь, у кого-то – слушать чужие разговоры, кому-то пристало растить деревья, а у нас – мальчики, к которым мы

приставлены – сначала произвести, а потом охранять.

Все бы ничего, но приходится учить с ними уроки, а хуже этого в материнстве только прививки.

Сандро задали написать стихи на тему «Я и школа».

До этого творческого акта Сандро ознакомился с разными видами стихов, и в том числе с верлибром. Название запомнил не сразу:

– Вер... верел... вре... верб...

– Верлибр, – хладнокровно подсказала пятый раз репетитор, красавица Марита. – Еще раз: как называется свободный стих – без рифмы и ритма?

– Хулиганский стих, – рассвирепел Сандро.

И написал, словом, этот самый верлибр.

Ниже – необработанный подстрочник: ежели его переводить как надо, это мне сутки сидеть минимум, а поэт-хулиган еще не печатается, много чести.

Каждое утро просыпаюсь
И еле открываю глаза.
Не хочу просыпаться
И прячу голову под подушку.
Не встану? Моя мама
Стащит меня за волосы.
Умываюсь или причесываюсь,
Или завтракаю резво —

Не оставляет меня одна мысль:

И не могу с ней смириться,
Кто хотел наших мук,
Кто хотел школу?

Вдруг я заснул над тарелкой,
Положив голову в кашу,
И тут же мама кричит:
Быстро! Быстро! Быстро!!!

Мама не отстает
И продолжает кричать:
Говорит: «Ах, ты осел,
Ты не можешь без моего крика!»

Образ матери в этом произведении вызывает негодование и судороги священного ужаса.

На мои претензии сын возразил:

– Ну я же пошутил!

Подобные шутки в нормальных странах заканчиваются ювенальной полицией. Насчет криков – это он верно заметил.

Голос матери

У меня отвратительный голос.

То есть не всегда, а только в случае перехода на «форте», не говоря уже о «фортиссимо»: это стало ясно еще в тринадцать лет, когда хоровик проверял наши вокальные возможности – пианиссимо у меня было лучше некуда, а вот орать получилось только в тембре токующего павлина.

Возможно, корни этого феномена проросли в момент, когда я спросила маму, хороший ли у меня голос, она пожала плечами и сказала: «Обычный». А я-то думала, что божественно пою! Все, что нам когда-либо говорили родители, вонзается в кожу, проникает в кровь и медленно движется по сосудам по направлению к сердцу.

Да, о голосе.

Если бы кто-то проводил конкурс на самый ужасный материнский голос, я бы точно вошла в тройку призеров. Нормальные матери не кричат, им это не нужно – они входят в комнату, делают движение бровями, и вымуштрованные дети складывают одежду, заполняют расписание в дневнике ровными прописными буквами, съедают молочный суп и садятся играть сонаты Клементи – по два часа на каждый пассаж.

А может быть, не Клементи, а какой-нибудь Гедике. Я до сих пор думаю, что человек по фамилии Гедике был сади-

стом и сволочью, поэтому не отдала своих детей на музыку.

Итогом этого решения стало вот что: Сандрик пишет музыку, не зная ни единой ноты. Решение оказалось очевидно удачным, иначе у меня был бы еще один повод орать, а это как раз то, что у меня получается хуже всего.

Когда я повышаю голос, он ломается пополам с рваными краями, одна половина уезжает царапать гвоздем жестяную коробку от монпансье, вторая честно признается в хроническом фарингите. Иногда бывает, что обе половинки изображают одно и то же – с разницей в диссонансный интервал. Муки от этих звуков таковы, что окликаемый не в состоянии воспринять слова, поэтому смысла в орании меньше, чем ноль.

А ведь я знаю женщин, у которых роскошное «форте»: стоит им гаркнуть, потолок трескается, а домочадцы бледнеют. Очень завидую, просто очень. Это архиэффективный метод воспитания, и адски жаль, что мне он недоступен. Потому что после каждой моей неудавшейся попытки гаркнуть голос садится в хлам, и я долго кашляю и сиплю.

Дети злорадствуют.

Блинное утро

Ровно в семь утра Джей Кей заводит свое «Инносенс». Сон и явь начинают немедленную драку, побеждает чувство долга. Надо поменять музыку в будильнике, а то скоро от «Джамироквай» у меня появится аллергическая чесотка.

– Кто это тебе звонит в такую рань? – возмущается разбуженный от сладчайшего сна папачос.

Каждое божие утро уже который год он слышит эту песню в одно и то же время и все равно задает этот чудесный вопрос. Почему бы хоть раз ему не подняться в это время, а я бы вместо него поспала еще два часа!

Джей Кей цинично дает понять, что я фантаст и пора вставать, нашариваем тапки, вперед в очередное утро играть пьесу, в которой я изображаю карательный отряд, а трое спящих мужчин – жителей мирной деревни. Каратели очень гуманные – всего лишь достают деточек из постели и пинают в школу, а взрослого вовсе не трогают, хотя могли бы пытать свистящим чайником.

Операция по плану начинается приготовлением завтрака. Сегодня у меня на завтрак блины. Нет бы не валять дурака и просто намазать хлеб маслом и джемом, или вовсе сварить яйца, но горячие блины со сметаной или медом, пахнущие ванилью, – часть коварного плана: куда приятнее выдирать мальчиков из теплой постели, если в доме так вкусно пахнет.

Мой обычный алгоритм блинным утром выглядит следующим образом: смазала сковородку – налила ковш теста – бросила сковородку на огонь – побежала к детям – дернула Сандро за нос – «вставайте!» – пощекотала – убежала переверачивать блин – прибежала обратно – «Сандро, автобус уедет!» – «Миша, я тебя сейчас поливать начну!» – стянула одеяло – Сандро со стоном сел в кровати – убежала снимать готовый блин и наливать следующий – прибежала с мокрыми руками и намочила Мишке морду – убежала мимо волочащего ноги Сандро переверачивать блин – прибежала успокаивать ненавидящего весь мир Мишку – натянула на него один носок и один штан – убежала снимать готовый блин и наливать следующий – прибежала выдирать полуодетого Мишку из-под одеяла – натянула на него рубашку – закинула в ванную – побежала отдирать сторевший блин – налила новую порцию теста – побежала переодевать насквозь промокшего Мишку – побежала... побежала... побежала... побежала!!!!!!!!!!

Хорошо, что под нами никто не живет, а то соседи бы уже вызвали полицию за незаконное проживание в квартире стада взбесившихся страусов эму.

Однако в это утро супруг мой и кормилец изволили подняться из постели в неурочное время.

Плохой сон? Перегрелся вчера на солнце? Внезапный отцовский инстинкт? Теряюсь в догадках.

– А давай ты хоть одного возьмешь на себя, – не упускаю

шанс приспособить папачоса к выращиванию младенцев.

– Которого? – Не вполне проснувшийся папачос опасен.

– Младшего. – Задачи мужчинам надо ставить конкретно: стащить Мишку с кровати и поставить на ноги, дотолкать до ванной, заставить умыться, одеться и привести на завтрак.

Себе я оставила вариант полегче: Сандро уже дошел до осознания того факта, что вставать все равно придется, поэтому с ним можно ограничиться первым пунктом – стащить со второго этажа кровати, дальнейшее он в темпе трицера-топса проделает сам.

Страусы эму передвигаются вальяжно, мечтая о вышколенном семействе. Наверное, папочка уже причесывает оде- того Мишку, и они вместе придут пить чай.

Буколически идеально нажарив стопку блинов, иду проверять проделанную добровольцем работу и вижу... обняв- шихся и воркующих папочку с сыночком под уютно сверну- тым одеялом.

– Я никуда моего мальчика не отпущу, пусть вообще в эту дурацкую школу не ходит, – причитает папочка, и морда младенца выражает благоговение – хоть кто-то в этом доме на его стороне! До выхода из дома остается двадцать минут – график нарушен к чертям собачьим, и спасет нас только план Б.

Не имея сил на выражение эмоций, выдергиваю младенца из теплой норки и экипирую его в полете шмеля, одним движением умыв его ошеломленное лицо ледяной водой, а

другим движением укладывая на его кипящей возмущением голове прическу «Однажды в Америке».

– Мамико¹ же сказал, что я школу не иду! – выпучив муравьиные гляделки, пробует вернуть утраченные позиции саботажник.

– С твоим мамико я разберусь.

Дети поняли, что папе кранты.

Единственное, о чем я попросила кормильца, – чтобы он больше не смел просыпаться так рано.

Сандро сидит, подставив нос плывущему над чаем пару.

– Намазать тебе блинчик? – Вот каким тембром голоса пользоваться? Если мягким, то он засыпает заново, приходится скрежетать пенопластом по стеклу.

За завтраком дети сидят рядком и косеют от того, что не отрывают глаз от телевизора. Мультки – еще один неизбежный компромисс, буфер между законной тьмой и полусонными птенчиками.

Вилки проносятся мимо рта, и еда практически вся оказывается на полу.

– Доедайте, и марш отсюда, – пока что мягко одергивает мать, эффект равен нулю.

Время истекло, пора действовать. Если не сделать карателя, они так и просидят весь день, не шевелясь. Вырубаю телевизор и изымаю дистанционный пульт.

Дети сидят молча, выпучив глаза, – на удивление симмет-

¹ Мамико – папочка (груз.).

ричные дети.

Выхожу из кухни вон, не теряя достоинства.

– Ну почему наша мама, как бандит! – догоняет меня в спину возмущенный Мишкин вопль. А зато они точно проснулись!

Дети отправлены, можно выдохнуть, сделать маникюр, проверить почту, или – даже отправиться обратно под теплое одеяло! Но мои дети бредут в холоде, мраке и тумане в ненавистную школу – как же я могу позволить себе валяться под одеялом?! Поэтому варю кофе и готовлюсь писать очередной рецепт: так получилось, что еда оказалась моим основным делом жизни.

Еда

Испекла яблочный пирог, который дети не едят: они признают только голый бисквит, без ничего.

Миша подходит, наблюдает за нарезанием и светски спрашивает:

– Что это?

– Какая тебе разница, ты это все равно есть не будешь.

Сын поднимает глаза и холодно парирует:

– А что, просто спросить тоже нельзя?

Есть дети, которые не едят ничего. Это противоречит природе, все педагоги и педиатры строчат в своих поучительных книжках: ребенок – живое существо, млекопитающее и теплокровное, тратит энергию, и ее надо восполнять. Он не может не проголодаться!

Эти писатели сидят в хрустальных башнях и не ведают настоящей жизни. Я лично знаю таких детей! Мама одного из них пошла на принцип и не предлагала есть дочери три дня. Три дня! Вся семья наблюдала за девочкой, стиснув зубы и держа наготове ампулы с глюкозой, но колоть пришлось маму, которая сомлела под конец эксперимента. Девочка скакала по грядкам и даже ходила в туалет, но ни разу – ни разу! – не попросила есть.

– Чем ты какаешь-то, господи? – досадливо задавалась риторическим вопросом бабушка. Поскольку весь креатив

на этом закончился, девочку продолжали кормить по старой схеме – с концертами, ручными медведями и валидолом.

Это уже крайний случай, у нас таких нет.

Более мягкий подвид – когда дитя ест, но что-то одно. И больше ничего даже пробовать не желает. Я знаю мальчика, который до пяти лет ел только жареную картошку. И ничего – вырос!

Еще более мягкий подвид – когда ребенок ест почти все, за исключением некоторых продуктов.

Слава святой Варваре, покровительнице детей, Сандро всегда ел вполне прилично. Не капризничал дома, в саду и в гостях, и до сих пор у него только одна странность: если ему вдруг страшно понравилась какая-то еда, он ее ест до тех пор, пока она не закончится. Обычно это приводит к рвоте и дальнейшей непереносимости продукта: халву и жареную барабульку он больше видеть не может.

Мишка же, как уже догадался любезный читатель, совершенно особенный.

Он любит ровно пять блюд: хачапури, курицу, котлеты, макароны, гречку.

Ах, да, еще яйца.

Мишка их любит нежной, с придыханием, любовью. Началось это вот так.

Бриджет Джонс поехала с детьми в горы

Раз в год детей в Грузии непременно вывозят на воздух.

Это идиома – «на воздух» – закреплена за условным горным курортом с хвойными лесами, минеральными источниками, плохой едой и дорогими аттракционами в заброшенном парке. Даже те счастливицы, у которых есть собственные дачи, вывозят детей летом в какое-нибудь ДРУГОЕ место, резонно объясняя подобное расточительство: «Ну на дачу-то мы круглый год ездим, какая же это перемена воздуха!»

На перемену воздуха возлагаются немыслимые надежды: после месяца на курорте ребенок надышится целебным кислородом на год вперед, не подхватит вирус зимой, начнет мести еду всю подряд и вообще станет новым человеком. А если учесть, что городские дети все, как один, анемичные бронхитики-малоежки, – масштабы явления трудно переоценить.

Пока дети маленькие, важно поселиться где-то поближе к цивилизации – чтоб в случае чего вызвать папаш и быстро сгонять в город к доктору, помыться или купить еды. По мере роста детей мы выбираем курорт повыше от уровня моря – всем известно, что чем выше, тем полезнее. Если начертить диаграмму наших ежегодных отдыхов, получится

что-то вроде схемы ядерного взрыва: каждая последующая волна шире предыдущей.

В те годы в стране царил полная разруха, поэтому с собой на отдых надо было брать ВСЕ. То есть в буквальном смысле – матрасы, белье, тапки, прищепки, бельевые веревки, порошки и мыла, нитки и ножницы, утюги и горшки, не говоря уже о запасе продуктов минимум на неделю. Раз мы ехали всем табором, то распределяли утварь на трех мамаш поровну – в итоге стирали и гладили по очереди.

Шови навсегда остался для меня самым лучшим местом для летних каникул.

– Нельзя было куда-нибудь поближе? – неосторожно спросил папачос, прикинув количество бензина и качество дорог. В ответ он получил превосходнейшую лекцию о хвойных лесах, источниках, ромашковых полях и полудиких лошадаках, без которых детство моих детей будет ущемленным.

– Тогда берите маршрутку и дуйте сами, – с достоинством вышел из положения кормилец.

День первый

Жанр нашего путешествия в Шови можно определить как помесь библейского сюжета с малобюджетным голливудским фильмом ужасов. Маршрутка, набитая детьми, сумками и мамашами, едет с самого утра, мимо пролетело полстраны, а конца путешествию не видно.

Дорога идет серпантинном все выше и выше, тьма сгущается, надвигается молочный туман, с левой стороны нависают скалы, с правой – провал чудовищных размеров, на дне которого ревет первобытная река с поломанными корабельными соснами.

– А тут бывают наводнения? – тревожно спрашивает Наиле. Я вру, что нет, а даже если да, река на уровень дороги не поднимается. Мои дети блюют через каждые пятнадцать метров, водитель готов сбросить нас всех в пропасть. Боюсь, что к концу пути из детей вывалятся желудки, но – о, боги! – из тумана возникли ворота пансионата.

Звоню в мистическое место, чтобы нас встретили.

Молчаливая бабайка с фонарем, соткавшись из тумана, повела нас селиться куда-то в дремучий лес, из которого таращатся красные волчьи глаза. Дети падают с ног и вспоминают сказку «Гензель и Гретель».

День второй

Утро! Выглянуло солнце и осветило наше мрачное будущее в затерянном мире. Гималаи! Рерих! Слава солнцу! Ромашковые поля и полудикие табуны! Источники, отдающие ржавчиной!

Наконец-то стало понятно, какого лешего я притащила всех в такую даль.

Первая и главнейшая обязанность курортника в Шови – пить воды.

Уговариваем детей выпить «хоть глоточек» – они пьют с отвращением, плюются и требуют кока-колу.

Дни третий – пятый

Продолжаем исправно пить воды, переползая от источника к источнику.

Нас и самих уже эти воды повергают в тоску, решили пить в день по одному сорту.

Я намазала лицо солнцезащитным кремом. Ладони стали кирпичного цвета и оттираются только песком. Мишка взбесился и убегает, как только мы выходим на простор. Редкие отдыхающие и персонал все знают его в лицо и по имени, потому что тишину Гималаев взрывает мой периодический вопль.

День шестой

Нос обгорел и облез, теперь ношу на нем бумажный треугольник.

– Это не защитный крем, а автозагар, – перевела надписи на немецком интеллигентная бабулька с внуками. Приеду домой – убью продавщицу.

Книжки все прочитаны, заняться нечем.

– Дато, – умоляющим шепотом сказала я по телефону, вращая глазами, чтобы не услышал персонал, – вышли водку, сигареты и бадминтон!

– Водку двухлитровую? – деловито уточнил Дато.

Наиле замахала руками на мой вопросительный взгляд.

– Нет, литра хватит.

Сигареты очень логично сочетают с кристально чистым воздухом.

В бадминтон мы сыграли ровно два раза, растеряли все воланчики и на этом прекратили морочить себе голову спортом. Тем более что мне все равно приходится бегать за Мишкой без остановки. Сегодня перехватила его в прыжке над рекой.

Дни седьмой – двенадцатый

Водка пришлась очень кстати.

Когда детей удастся затолкать ногами в постели и усыпить, мы садимся на балкончике с видом на дремучий лес, вытаскиваем заветную литровую бутылку и разводим себе в украденных из столовой стаканах коктейли.

– У вас есть кока-кола?! – уличает лживых матерей зоркий Автошка.

– Ты еще не спишь?! – искренне поражается мать и идет его немного душить, потом возвращается, и вечеринку можно открывать.

На яркий свет, прорезающий непроглядную шовскую тьму, слетаются все окрестные инсекты и облепляют нас с головы до ног.

Мы пьем коктейли и охлопываем себя свернутыми в трубочку журналами – бабочки падают на шахматный пол с

жирным стуком.

Романтика! Светски обсуждаем остальных отдыхающих.

Назойливо рокочет река.

– Наводнения точно не будет? – на всякий случай спрашивает Наиле в очередной раз.

Природы тут слишком много.

И она слишком нецивилизованная.

Дни тринадцатый – восемнадцатый

Три раза в день у нас бурное развлечение в виде столовой – потому что туда ходят другие люди, кроме нас, причем все сразу, это создает ощущение полнокровной жизни с вечеринками. На людей можно поглазеть и даже перекинуться с ними парой слов.

– А в тюрьме сейчас макароны, – оригинальничаем мы, увидев неизменное блюдо.

Нет, нас кормят очень недурно, но макароны!!!

Как гарнир, десерт или основное блюдо.

Они встречают нас утром, в обед и вечером.

Очевидно, кто-то угнал железнодорожный состав с макаронами и теперь щедро делится с курортниками. Дети едят вяло и требуют «Сникерсов».

На днях нам дали рыбу.

Дети, которые всегда воротили от рыбы нос, извергли рев восторга, как голодные тюлени в обнищавшем дельфинариуме.

– Воздух работает, воздух! – обрадовались мы.

– Акклиматизация! – поднял палец повар Геннадий.

С тех пор наши дети едят все подряд, не переставая.

Рекомендую Шови как лучший способ вылечить капризных детей.

День девятнадцатый

– Вы Мишку не видели? – Этот вопрос стал рефреном месяца. Его слышат все в течение дня, поэтому оперативно собираются свидетельские показания, врассыпную идут поисковые бригады, и очень быстро беглеца обнаруживают в самых разных – но всегда опасных местах. То балансирующим на заборе с гвоздями и битым стеклом понизу. То с руками, опущенными в окончателъную взбесившуюся после дождя реку. То в лесу, поедающим странные ягоды. Я похудела на шесть килограммов и теперь бегаю за Мишкой, держа штаны локтями.

– Почему ты убегаешь? – в отчаянии я попыталась договориться. – Если хочешь куда-то пойти, скажи – пойдём вместе.

Ребенок посмотрел на меня муравьиными глазками и обдал презрением: еще не хватало ходить за ручку, зачем отказывать себе в удовольствиях.

И опять убежал.

День двадцатый

В первый же день по приезду этот кошмарный ребенок перестал есть. В нем проснулась атавистическая ненависть его мамы к столовым и к общественной еде, и Мишка планомерно и методично отказывается от всего, помиловав только картошку, рыбу и яйца. О, яйца!!!!!! Он может есть их в неограниченном количестве и в любое время суток.

Приходя в столовую на завтрак, обед и ужин, мы находим наш паек уже сервированным – строгая доза на каждого едока. Если нужна добавка, идем к окошку раздачи к повару Геннадию и клянчим у него что-нибудь.

И вот если в меню есть яйца, – а дают их нам довольно часто, – Мишка бежит впереди всех, хватая их с тарелки, мчится в поля с яйцами за пазухой и запихивает их в рот чуть ли не вместе со скорлупой.

– Ми-шка, Ми-шка! – неистовствует публика, обожая бесплатный цирк, и помогает ему воровать яйца. Я в ужасе – ребенок стал невменяемым, у него случилось яичное бешенство.

– Оставь его, – невозмутимая Наиле как врач смотрит на все со своей точки зрения. – Организм требует.

– Что организм, – ору я, вытаскивая из железных Мишкиных пальцев добычу, – у него же аллергия случится!

День двадцать первый

Апогея вся эта яичная клоунада достигла в момент, когда старшие брательники придвинули к себе тарелки и показали

Мишке дулю. Он – уже слопав свою порцию – открыл пасть и вместе с фонтанами слез извергнул русские тексты с украинским акцентом (публикум побросал вилки и приготовил семечки):

– Мене нициво не дают кусать! Я халодны-иий!

Молниеносно перегнулся и стянул с тарелки у Сандрика яйцо, прижав его к груди обеими руками. Сандрик вскочил и заорал:

– Я вас не просил рожать мне брата! Что я теперь, без яйца должен быть?!

Публика, получив желаемое, люто радуется. Я, сохраняя достоинство, иду к Геннадию клянуть еще порцию. Мишка интеллигентно отколупывает скорлупу, Сандро смотрит на него злющими глазами.

– Успокойся, – сказала я Сандро. – Геннадий сварит и позовет, ты лично их заберешь, и будут тебе яйца.

Спустя пять минут Геннадий перегнулся через подоконник и зычно позвал:

– Чьи тут яйца, заберите!

Мишку сдуло с места, и он понесся к заветной добыче, как нападающий в регби.

– Быстрее! Наперехват! – На мой рев со стульев сдернулись старшие и побежали спасать Сандрикину долю. Но Мишка уже цапнул из Геннадиевой руки яйца и скачками, как заяц, рванул через столики к выходу.

– Заходи слева! – Автошка старше всех и к тому же фут-

больный вратарь, мыслит тактически.

Но публика на стороне воришки; она помогла ему уйти.

Дальнейшая погоня переместилась на открытую местность, и зрители побросали свои тарелки, чтобы наблюдать за развитием событий с крыльца. Невозможно маленький и вредный Мишка двигался среди ромашковых облаков, как шмель, следом вскидывал длинные ноги свирепый Сандрик.

– Ми-шка, Миш-ка! – скандировала публика. Оглянувшись, воришка понял, что его скоро с позором настигнут, и, размахнувшись, зашвырнул яйцо раздора в сторону леса. Хохот пригнул ромашки к земле, Сандрик тоже растерянно заулыбался. Ему уже не хочется ни есть, ни пить – он вообразил долгую череду лет вместе с братом и решил, что лучше достойно принять судьбу.

Завтра едем домой. Не может быть!

День двадцать второй

Зачем, зачем мы вернулись?! Город дымится от жары, воздуха просто нет.

Где наши ромашковые поля, дикие лошади и вода со вкусом ржавчины? И чего нам не сиделось в затерянном мире?

– Свари мне яйца. – Мишка стоит, как мурашка, держа в каждой руке по яйцу.

Он их любит и сейчас: ворует из холодильника и тащит к себе в кровать.

А еще он научился готовить омлет – жарит его три раза в

день и угощает всех, кого поймает. Теперь нам нужна целая упаковка яиц в сутки.

Четыре сезона эмансипированной женщины

Мишка ползает по мне, когда я стучу по клавиатуре, и зудит, чтобы я заканчивала работать и дала ему поиграть в змей. Я снимаю его с головы и делаю отвлекающий маневр:

– Мишка, я немного поработаю, потом поиграешь.

Он пыхтит мне в ухо:

– Ну ты потом, а я хочу сейчас!

Я, раздражаясь:

– Мишка, ну ты же так хорошо мух побил мухобойкой!

Иди еще побей!

Мишка, возмущенно:

– Мухи уже все кончились!

Пока Мишка был маленький, я ухитрилась целый год поработать в офисе.

К концу этого срока дети распоясались, я поправилась на десять килограммов, заработала невроз и остеохондроз и поняла, что больше всего на свете хочу остаться дома. Однако и работать я тоже хочу!

А может, написать диссертацию по кино? Защититься и получить степень магистра по культурологии – звучит? И читать лекции студентам – красота!

Но я же ничего не помню. Летом жарко и надо выезжать с детьми на дачу, какая может быть умственная работа? Осенью начну.

Осень... Вот и осень наступила, черт бы ее побрал. Самое время собрать мозги и волю в железный кулак, взяться за научный труд и ежедневно, планомерно и целеустремленно писать диссертацию. Универсальный концепт в искусстве! Барт, Пазолини, Лотман – титаны семиотики. И английский наворачивать хотя бы по часу в день, а то сын уже меня обставляет. Новые материалы пошарить в сети – это уже без регламента, как получится. Ну, и замусоренную жаргоном речь очистить, в натуре. Ах, какая чудесная картина нарисовалась: меня ждет насыщенная, полная смысла жизнь. Я докажу всем, что есть еще порох в пороховницах! А какой великолепный пример для Сандрика? Блеск. Самая лучшая педагогика – это личным примером...

Сжимаю кулаки и решительно шагаю к компьютеру, мимоходом убедившись в зеркале, что брови нахмурены под правильным углом, и... Кстати, надо бы их выщипать. Ну, а как же работать с заросшими бровями?! Так, теперь чистенько, гладенько, загляденье просто. Угу. О-о, эти усики! Почему они у меня растут только с левой стороны – неизвестно никому. Лучше в ванную, это не для слабонервных.

А ноги, простите за выражение? Что, если купальный сезон закончился, уже и ноги не надо эпилировать?! Что вы говорите, вот сами и сидите, как неошипанные курицы, а я

люблю гладкость и свежесть. Лалала...

Интересно, как смотрится мой загар? Ну-ка, где купальник? Ой, когда это он порвался? Непорядок! Зашиваем, как в лучших мастерских Парижа. Ну разве с такой головой можно смотреть на себя в зеркало? Марина, я в душ, посторожи, чтобы эти малолетние вредители не лазили в комп! У меня там диссертация. Пока воображаемая, но мало ли.

Ну, все. Теперь я гладкая, как яйцо, и на мне даже пыль не оседает, ибо ей не за что зацепиться. И внутри черепа такой же пейзаж – стерильный и белоснежный, похожий на операционную. Мозги даже не похрапывают, а спят глубоким беспробудным сном, приоткрыв рот. Что там про знаковые системы? Чтобы втянуться, почитаю пока Кортасара – все-таки я больше филолог, а не семиотик, или как его там.

Пожалуй, рановато мне браться за тяжкий интеллектуальный труд – осень, биоритмы все еще настроены на отдых, мотивация незначительна, дожди, перемена сезона... Сейчас надо заботиться о комфортном состоянии, а то и в депрессию впасть недолго. Посидеть, что ли, на балконе и подумать о вечном. С сигареткой. Заодно и кофе сварить, да не как-нибудь, а по всем правилам. О, как раз девочки пришли! Вы не представляете, как вовремя – сделаю передышку. О, это ужас! Очень, очень тяжело идет работа – столько материала, и все это необходимо увязать с моей главной темой. Кхм...

Зимой – о! Зима самое милое дело: ходить некуда, дети, как гвоздями прибитые, смотрят мультики, сиди себе, шеве-

ли извилинами, куй будущую блистательную карьеру в теплой берлоге.

Зима... Мозги слегка продрали глаза, но напрягаться из-за чего-либо, кроме хлеба и зрелищ, упрямо отказываются. Ну, ладно, я еще немножко почитаю вот этот рассказик, как я могу пропустить такую прелесть, и потом сразу же начну набирать текст.

Как холодно-то! Надо готовить обед. О, сразу мозг развеселился и давай идеи генерировать. Зима – это такое дело, что надо хорошо кушать. Так, так, так... Ух ты, как плодотворно мозг-то заработал: выдал серию гастрономических галлюцинаций. Решено: делаем харчо из курицы с грецкими орехами, пирог с грибами и... и десерт какой-нибудь поплотней. Кекс, например. С изюмом.

Кухня полыхает огнем и гремит симфонией из четырех кастрюль сразу. Вот настоящее дело – кормить людей! Это вам не диссер кропать, который никому не сдался, разве что я заработаю невроз, а дети вырастут беспризорниками. Когда варится роскошный обед и квартира пахнет, как райский сон гурмана, мое чувство вины на время замолкает.

А? Что? Уже три часа прошло? Все-все. Сандрик из школы приходит, надо его кормить, потом уроки с ним учить, некогда мне семиотикой заниматься – вот так приносятся в жертву детям личные амбиции!

Так-с, откладываем всю домашнюю дребедень в сторону, дайте мне заняться собой, изверги!.. Кто это орет? Мишка?

С горшка орет? Иду... Задницу и ту без меня не могут вытереть. Все, начали печатать... Так, кто там опять? Сандро? Голодный, значит. Как уроки учить, так голодный. Лопнешь, бедный, пятый раз уже обедаешь! Не обедаешь, а ужинаешь? Что, разве ужинать пора? А чем это я занималась все это время? Мда, ну что, почитала немножко в Интернете, время-то быстро улетает, черт... Что же мне вам приготовить? Оладьи со сметаной – это круто, а главное быстро. Мне работать надо!!!

Итак, Пьер Паоло Пазолини был не только гениальным экранизатором Бокаччо, но и теоретиком в вопросах кино-семиотики... Красота! А вот каким боком сюда Умберто Эко приткнуть?

Да возьмите же телефон кто-нибудь!.. Але, я слушаю. Ой, кого я слышу! Ну как вы там? Забегу на днях, непременно, вот занята я очень с этой диссертацией, не поверишь: столько новых идей!.. Ну, и что он сказал? С ума сойти! А ты что? А-ха, так ему и надо! Стой, я только сок себе принесу... У, мхм... ха-ха!.. Ой, это Мишка орет, брательники подрались, надо разнимать. Ну все, забегу обязательно!..

Вот уснете вы, изверги, а я печатать буду... Мишка, подвинься чуть-чуть. И убери руку с моей груди, ты уже здоровый парень. Ну чего ты нахохлился, вон уже губы надул? Ладно, иди ко мне, только руку на шею, вот так. Все, спи давай. Не мешай Сандрику молиться. Все, вы уснете, я встану и... Как тепло, как уютно... Завтра напечатаю, зима длин-

ная, ну его к черту... Нет, зима – это период спячки, лучше работать весной, с новыми силами, много солнца, приток новых идей – здорово. Да ее ждать всего ничего – вот как раз все праздники отгремят, потом дни рождений, и как раз весна.

Весна. Кто сказал, что весной свежие соки бродить начинают, я вас спрашиваю?! Я бы из него эти соки выпустила и поглядела, как они бродят! У меня так полный авитаминоз и интересная бледность лица. Но, с другой стороны, остальные люди же работают, не умирают, надо и мне поднапрячься. Годдэм, завтра еще английский, а у меня амнезия на глаголы. Ай хев хед – как там дальше? Лучше бы я стала товароведом, как Ира советовала... Как же я буду рассказывать на английском про концепцию универсальных символов в искусстве? Я и так ее, на родном языке, с трудом представляю. Нет, весной полезнее заняться здоровьем. Фитнес не терпит измен! Менс сана ин корпоре сано, доказано эмпирическим путем.

Так, хоть бы одну страницу домучить. Кадр в кино можно рассматривать как аналог слова в литературе, а монтаж – это синтаксис... А как классно «Имя розы» экранизировали, чего там писать, там писать нечего, господа, там смотреть надо, смотреть и наслаждаться. Эх, или уж кино снимать самой... Вот только одним глазком гляну в блог и, честное благородное слово...

А? Ой, кормилец пришел!.. Дети где? А что дети? Телевизор смотрят, наверное. Порвали что? Прожгли занавеску?

Ну и что, новые пора покупать давно. То-то я думаю, чего это горелым пахнет! Вот обед у меня – пальчики оближешь! Ой, он тоже сгорел, смотри ты... И пластилином холодильник залепили? Ну, отмоем... А зачем ты им принес пластилин, я же говорила, что в моем доме пластилин табуирован!!!

Уфф, еле отмыла холодильник. Вот у моих детей точно прилив энергии весной, как, впрочем, и во все остальные времена года. Когда они спят, кажется, что наступило военное перемирие. Теперь можно и поработать. Я сыта, минеральная вода стоит рядом, в туалете была, ноги укрыты. Закончились все отмазки. Судорожно шарю глазами по комнате и напрягаю мозг, вальяжно наблюдающий за моими потугами выцыганить из него свежайшую новаторскую идею, которая перевернет мир киноведения.

Все, наступил твой час! Назад пути нет. Монитор смотрит прямо в лицо беспощадным взглядом без тени иронии: ну, роди уже что-нибудь! Или признайся в своей умственной деградации и патологической лени! Я сглатываю сухим горлом и шарю по полкам в надежде найти какого-нибудь классика-кинотеоретика, что-нибудь еще нечитанное, лишь бы свалить от этого мерзкого монитора.

– Все сидишь? – Голос кормильца заставил меня подскокить на стуле. Bravo, рагацци! Муж – это последняя надежда эмансипированной женщины. Напевая Триумфальный марш из «Аиды», иду составить компанию одинокому сердитому супругу. Будем репетировать мизансцену Ингрид Бергман и

Хэмфри Богарта в «Касабланке». И никто не смеет ко мне придраться, ибо мир в семье дороже любой Нобелевской премии.

Лето! Оно падает на нас стремительно, как орел на цыпленка, и испепеляющая жара исключает любые шансы на плодотворную работу. Нет, с компом надо попрощаться, это однозначно, но английский надо взять с собой на отдых. Мозги вертят пальцем у виска – учить глаголы на пляже? Когда твои каскадеры будут кувыркаться в волнах? А вот посмотрим.

Жара, жара и еще раз жара, море утром, море вечером, в промежутках надо спасать несчастных кроликов и котят, попавших в цепкие руки юного натуралиста Мишки, чинить Сандрикин велосипед, вытаскивать орущего Мишку из колючих зарослей, заставляя обоих съесть хоть по две ложки супа и только потом по два мороженных, снова утешать орущего Мишку – на этот раз его укусила пчела в пальчик, потом разнимать маму с папой, которые никак не могут согласовать свои аграрные приоритеты (мама сажает павловнии, а папа их выкорчевывает), потом громко послать всех подальше и самой трупом лечь в гамак.

Английский лежит на тумбочке и нагло подмигивает. Ах, так? Ну и отправляйся обратно в чемодан, падла. Мозги празднуют победу.

Подумаешь, радуются оне! Чему радуетесь-то? Над кем смеетесь – над собой смеетесь! Вот когда осень наступит –

жара схлынет, все вернется в привычный трудовой ритм, я сяду у монитора, и в моей отдохнувшей голове созреют, как ананасы в оранжерее, гениальные идеи, революционные... Вот бы мне сапоги купить революционные. И штаны какие-нибудь модные, пока я по новой не раздобрела. Сандрика на плавание, Мишку на керамику, всем репетиторов, мне делать ремонт в подвале – когда писать-то. Может, взять у мамы одного котенка? По крайней мере, я знаю его родителей, и будет у нас домашний питомец, хоть какой-нибудь.

Осень. Вот и осень наступила, черт бы ее побрал.

Пока я готовилась к большой карьере, меня развлекал Интернет. Я писала там всякую чушь и иногда рассказывала про обед, который приготовился накануне.

Когда пришло три предложения написать книгу, я удивилась, но книги написала. И внезапно оказалось, что это и есть мой удел: писать про еду и получать за это деньги.

До сих пор не верю, что человечество относится к этому всерьез. Но каждый раз, перебирая вакансии на сайте, я вспоминаю годы, проведенные в офисе, и с тоской понимаю, что лучше быть каким-то непонятым приличным людям кулинарным автором, чем каждый день просиживать штаны в тоске, думая о детях.

Архивы: мечты о детях

Я не буду, не буду, не буду рассказывать вам про мечту. В этом городе душистые деревья, и тени ложатся, как золотая парча, дожди бывают только ночью, а наутро неизменное солнце добротнo осмотрит улицы, где мало машин, много водоемов, никто не тонет, не плачет, не ссорится.

С одной стороны у города море, порт и корабли, с другой – темно-зеленые мшистые горы, и стоит мой дом, глядя большими окнами на синие дали.

Вокруг дома – зеленый двор, а внутри – множество детей. И девочки, и мальчики, и все мои, красоты необыкновенной, мягкого нрава, забавные, лопочут, а я прохожу в белых нарядах – по пути к самолету в Африку. Дети машут руками, я обещаю привезти новорожденного леопарда.

Уклад у нас самый аристократический – за каждым днем недели закреплена какая-нибудь европейская страна: вот прилечу я из Кении, будет у нас английский, во вторник – французский, в среду – испанский, в четверг – немецкий. Весь дом говорит на положенном в этот день языке, за обедом подают тематическую паэлью или сосиску с кислой капустой, после обеда в библиотеке рассматриваем Гойю или читаем сказки Гофмана.

Где-то на заднем плане маячит любезный супруг и отец детей, похожий на Диего Веласкеса с дворцового автопорт-

рета, он облачен в бархатный темный костюм, молчалив и неподвижен, и вдвоем мы составляем красивую пару на семейных обедах.

А потом дети все разом выросли, стали знаменитостями и нарожали своих детей.

Сейчас у меня тоже есть мечты – буквально пара-тройка штук. Мечтаю о детях-книголюбях, о домашнем животном и о Нобелевской премии. Но самая главная и основная мечта – чтобы дети были здоровы, потому что, если они болеют, какие еще карьерные планы можно строить?

Медицина в жизни матери

Перед уходом в школу Сандрик задумчиво сказал по-русски, глядя в зеркало:

– Ты не можешь высморкаться раз и навсегда.

Потрясающее по художественной силе философское заключение.

Небезынтересно, что на данный момент у него абсолютно сухой нос.

Одна бабушка на детской площадке когда-то поделилась простой истиной:

– Дети делятся на тех, у которых болит верх, и тех, у которых низ: то есть либо ангина, либо понос. Вот когда оба вместе – можно пугаться и бежать к доктору.

Мои дети распределили болячки словно по-писаному: Сандро болел сверху, а Мишка снизу. Пугалась я в обоих случаях все равно до обморока.

Постоянно удивляюсь таланту детей устраивать из своих недугов грандиозные шоу с фейерверками.

Сандрик и гланды

– Опять ангина, – заключила Наиле, вытаскивая шпатель из Сандрикиного рта. – Без антибиотиков не обойдется.

Сандрик, терпеливый, как ветеран войны, сидел на краю кровати, блестя японскими глазками.

– Измерим температуру, потом подумаем, что делать, – распорядилась домашний доктор Наиле и вышла из комнаты.

– Сейчас возьмем градусник, – засюсюкала я, хотя ребенок не проявлял никакого беспокойства. – Да, моя птичка?

Птичка сидела безмятежно, сложив ручки на коленях.

– Парацетамол вкусный, – сказал он вдруг быстро-быстро. – А кетотифен маленький.

– Ничего себе, – удивилась я и отвернулась за термометром. Какой у меня умный ребенок! Ничего страшного, сейчас собьем жар, он поест бульону, потом я ему прочитаю книжки и... Повернувшись обратно к птенчику, я увидела, что он сидит в прежней позе и так же лихорадочно блестит глазками, но при этом – весь залит кровью.

Комната мягко качнулась, я поморгала, чтобы согнать видение, но Сандрик продолжал смирно сидеть, весь в красных потеках, как из фильма ужасов про страшных детей, и страстно захотелось со свистом улететь в обморок, а оно тут пока само рассосется. От удара виском об дверной косяк ме-

ня удержал только крепко сжимаемый в руке градусник – ужасно боюсь бегающей по полу ртути.

– Наиле! – дребезжащим голоском позвала я обратно домашнего доктора и теперь уже, сдав полномочия, с чистой совестью побледнела и приготовилась осесть на пол. Доктор отлупила меня по щекам и приказала не пугать ребенка.

– Крови тут совсем чуть-чуть, – взяла она безмятежного Сандрика за подбородок. – Капилляр в носике лопнул от жара!

– Чуть-чуть? – еле ворочая языком, удивилась я – по моему впечатлению, на ребенка кто-то вылил ведро крови. На что домашний доктор резонно посоветовала налить себе на платье чернила: жидкости на одну пипетку, а эффекта – на полный квадратный метр.

– И не пугай ребенка, – напомнила хладнокровная докторша.

Ребенку было по барабану, он сидел смирно и ждал своей участи, а кровь из лопнувшего в носу капилляра его совершенно не беспокоила. Зато от жара он стал разговаривать без остановки, причем с повышенной скоростью, и это пугало вообще до резей до животе.

– Будем резать гланды, – измученная шестой ангиной за сезон, сказала я папачосу. Он, как положено отцам, в этих вопросах предоставил важное решение мне – суеверный ужас перед материнской ответственностью преследует мальчиков всю жизнь.

Мы заранее купили мяч, пакет игрушек, себе – корвалола грамм четыреста, и отправились резать гланды веселым коллективом – заодно с кузиной Мариской.

Приятель-доктор взял наших детей за руки и повел в операционную – она была где-то в глубине, за двумя дверьми. Мариска доверчиво шла с прямой спиной, Сандрик оглянувшись, мы ободряюще замахали ему с порога, и дверь захлопнулась прямо перед четырьмя страдающими носами.

– Все будет в порядке, – успокаивали мы друг друга, глядя в зеркально перекошенные лица.

Прошло пятнадцать минут. В размеренной позвякивающей больничной тишине стал слышен монотонный звук.

– Кто-то кричит? – осторожно спросила я.

– Ну, – подтвердил муж.

– Это ведь не может быть Сандро? – вцепилась я ему в лацканы.

– Нет, – твердо сказал муж. – Ну как они могли бы резать ему гланды, если бы он так орал!

Мы успокоились и помолчали. Звук шел ровно, сквозь предбанник и стены операционной, не прерываясь на переключение дыхания.

– Скоро они уже? – снова встревожилась я. – Обычная операция, чик-чик, что там можно делать полчаса...

Дверь распахнулась, на пороге стоял, держась за косяк, наш приятель, – он был призван морально поддерживать детей в операционной. Выглядел он, как беспечный турист, по-

мятый медведем-гризли.

– Девочка ваша – молодец, – вытирая пот со лба, сказал он. – А этот... мальчик... ууууу!!!

Из операционной вылетела каталка с двумя посторонними детьми и понеслась в палату.

– А... наши где? – растерянно обратили мы бледные лица к приятелю.

– Да вот же, – удивился он и указал на каталку.

Мне в очередной раз захотелось упасть в небольшой обморок: дети были неровного цвета и выглядели манекенами.

– Это не он... орал? – заикаясь, на всякий случай спросила я.

Приятель смущенно поморгал. Конечно же, орал Сандро – после того, как его ремнями примотали к креслу и засунули в рот железяку, чтобы челюсти не сомкнулись. Еще немного, и я пойду крушить операционную.

– А вот не надо было подробностей, – справедливо заметил папачос.

– Он нас будет ненавидеть, да? – прерывающимся голосом спросила я доктора-приятеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.